

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706

УДК: 81'37

Научная статья / Research article

Афоризм как объект лингвистики: основные признаки

Е.Е. Иванов

Могилёвский государственный университет им. А.А. Кулешова
ул. Космонавтов, 1, Могилёв, Республика Беларусь, 212022
ivanov-msu@mail.ru

В статье представлена попытка установить и описать основные признаки (свойства) афоризма как объекта лингвистики. В современной лингвистике всё больше исследований посвящается изучению афоризма как фразового текста и устойчивой фразы. Однако понятие афоризма в языкознании не имеет собственного определения. В этой связи актуальным является анализ лингвистически релевантных свойств афоризма, которые характеризуют его языковую природу. Цель исследования — определить и описать минимальное количество наиболее лингвистически значимых признаков (свойств) афоризма, установить их облигаторный / факультативный характер, их специфичность / общность (для афоризма и близких ему сверхсловных образований). Методы исследования — описательный метод, структурный, семантический, функциональный, дискурсивный, стилистический анализ, таксономия. Материалом для исследования послужили высказывания на русском, английском, белорусском, польском языках, содержащиеся в письменных текстах разных жанров, а также в компиляциях из различных источников, в справочных изданиях, в названиях которых использован термин *афоризм* (или производное — *афористический*). Общее количество проанализированных единиц составляет свыше 50 000 из более 120 источников. В результате исследования установлено, что лингвистически релевантными признаками афоризма (характеризующими его как объект лингвистики) являются сверхсловность, однофразовость, обобщённость значения, номинативность, дискурсивная автономность, текстовая форма, воспроизводимость, устойчивость, идиоматичность, выразительность (эстетичность) словесной формы. Ряд признаков совпадает у афоризмов и фразеологизмов (сверхсловность, воспроизводимость, устойчивость, идиоматичность), но ни один из них не является для афоризма обязательным. Облигаторными признаками афоризма являются однофразовость, обобщённость значения, номинативность, дискурсивная автономность. Главным (дифференциальным) признаком афоризма как объекта лингвистики является обобщённость значения, которая по отношению к выражаемой действительности носит специфический характер — универсализм. Введение в научный оборот лингвистически релевантных признаков афоризма позволило определить его в терминах лингвистики как однофразовую, номинативную, дискурсивно автономную, преимущественно сверхсловную, воспроизводимую, устойчивую единицу, которая отличается от всех иных сверхсловных комплексов одним специфическим признаком — обобщённостью значения (универсальным

© Иванов Е.Е., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

обобщением действительности). Этот признак дифференцирует афоризмы как разновидность лингвистических единиц (фразовых текстов или устойчивых фраз), детерминирует их дискурсивную автономность и номинативность, манифестирует субстанциональное качество их плана содержания — афористичность.

Ключевые слова: афоризм, фразовый текст, устойчивая фраза, лингвистический признак, обобщённость, однофразовость, номинативность, дискурсивная автономность

Благодарность:

Исследование выполнено при финансовой поддержке Государственной программы научных исследований «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» на 2016—2020 гг. в рамках научного проекта № 20161332.

История статьи:

Дата поступления: 25.08.2020

Дата приема в печать: 15.09.2020

Для цитирования:

Иванов Е.Е. Афоризм как объект лингвистики: основные признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 4. С. 659—706. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706

UDK: 81'37

Aphorism as an Object of Linguistics: the Main Properties

E.E. Ivanov

Mogilev State A. Kuleshov University
1, Kosmonavtov Str., Mogilev, Republic of Belarus, 212022
ivanov-msu@mail.ru

Abstract. The article presents an attempt to establish and describe the main properties of aphorism as an object of linguistics. In modern linguistics, a number of researches are devoted to the study of aphorism as a phrase text and a fixed phrase. However, the concept of aphorism in linguistics does not have its own definition. In this regard, the analysis of the linguistically relevant properties of the aphorism that characterize its linguistic nature is of current importance. The purpose of the study is to determine and describe the minimum number of the most linguistically significant properties of an aphorism, to establish their obligatory / optional character, their specificity / generality (for aphorism and more than a word units close to it). Research methods — descriptive method, structural, semantic, functional, discursive, stylistic analysis, taxonomy. The material for the research was the statements in Russian, English, Belarusian, Polish, contained in written texts of different genres, as well as in compilations from various sources, in reference editions, in the title of which the term *aphorism* (or its derivative — *aphoristic*) was used. The total number of analyzed units is over 50,000 from over 120 sources. As a result of the study, it was found that linguistically relevant properties of aphorism (differentiating it as an object of linguistics) are more than a word nature, one phrase structure, generalized meaning, nominative nature, discursive autonomy, textuality, reproducibility, stability, idiomatic nature, expressiveness of the verbal form. A number of properties coincide in aphorisms and phraseological units (more than word nature, reproducibility, stability, idiomatic nature), but none is obligatory for aphorism. Obligatory properties of aphorism are one phrase structure, generalized meaning, nominative

nature, discursive autonomy. The main (differential) property of aphorism as an object of linguistics is the generalized meaning, which in relation to the expressed reality has a specific character — universal character. The introduction of linguistically relevant features of aphorism into science allows it to be defined in terms of linguistics as a one-phrase unit, nominative, discursively autonomous, predominantly more than a word units, reproducible, fixed unit that differs from all other more than a word units in one specific property — the generalized meaning (a universal generalization of reality). This property characterizes aphorisms as a variety of linguistic units (phrase texts or fixed phrases), determines their discursive autonomy and nominative nature, and manifests the categorical quality of their content plan — aphoristic nature.

Key words: aphorism, phrase text, fixed phrase, linguistic property, generalization, one-phrase character, nominative nature, discursive autonomy

Acknowledgment:

The reported study was funded by State Program of Scientific Research «Economy and Humanitarian Development of the Belarusian Society» for 2016—2020 according to the research project № 20161332.

Article history:

Received: 25.08.2020

Accepted: 15.09.2020

For citation:

Ivanov, E.E. (2020). Aphorism as an Object of Linguistics: the Main Properties. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11 (4), 659—706. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706

Введение

Афоризм, будучи вербальным средством выражения общих суждений, является одним из наиболее заметных и продуктивных средств и результатов речемыслительной деятельности, употребляется в речи как устойчивая фраза (расхожее изречение «здравого смысла», пословица) или как фразовый текст / интертекст (литературный жанр, реплика в тексте / разовая цитата, крылатое изречение) [1]. Афоризм широко используется в различных разновидностях дискурса, сферах речевой коммуникации, реализующихся в разных социальных или культурных практиках и областях знания (в том числе научного) [2].

Термин *афоризм* является достаточно широко употребляемым в научном дискурсе. Так, в июле 2020 г. на сделанный нами запрос по ключевому слову *афоризм* в названиях и электронных текстах диссертаций по различным научным специальностям в поисковой системе Российской государственной библиотеки было получено около 22000 результатов. С учётом того, что далеко не все диссертации и их авторефераты прошли в РГБ оцифровку, реальное количество употреблений термина афоризм в квалификационных научных работах возрастает во много раз. Подавляющее большинство таких работ являются филологическими, из них более половины — лингвистическими. На том основании, что подготовка квалификационных работ и озна-

комление с ними является неотъемлемой частью научной деятельности каждого лингвиста, можно сделать вывод, что термин *афоризм* весьма активно используется в современном языкознании.

Вместе с тем сегодня не существует общепринятого в лингвистике понимания того, что следует называть афоризмом. В общелингвистической справочной литературе термин *афоризм* либо толкуется неоднозначно, либо отсутствует. Так, его нет ни в одном из четырёх версий фундаментальной энциклопедии «Лингвистический энциклопедический словарь» (1990, 2002, «Языкознание» — 1998, 2000), нет и в большинстве словарей лингвистических терминов, например, О.С. Ахмановой (1966, 1969 / 2004), Т.В. Жеребило (2005, 6-е изд. — 2016), В.Д. Старичонка (2008) и др. В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой зафиксирован лишь атрибутив *афористический* [3. С. 60] в качестве синонима для *гномический* [3. С. 110] в связи с определением такой семантической разновидности времени глагола, как *афористическое настоящее* [3. С. 254]. Складывается впечатление, что авторы и составители справочников по языкознанию сознательно избегают попыток толкования понятия афоризма.

Совершенно неожиданным на этом фоне выглядит включение термина в «Краткий словарь лингвистических терминов» (1995) Н.В. Васильевой, В.А. Виноградова, А.М. Шахнаровича, где *афоризм*, тем не менее, уже вполне ожидаемо толкуется посредством понятий, далёких от метаязыка лингвистики, как «краткое, отточённое по форме изречение, содержащее обобщённую и законченную мысль» [4. С. 17]. Такое отражение *афоризма* в числе наиболее значимых и широко употребительных лингвистических терминов (в краткий словарь входят, как известно, единицы именно такого рода) можно объяснить, видимо, его глухим упоминанием (с аналогичным толкованием в почти дословной форме) в одном из наиболее популярных в отечественном языкознании терминологических компендиумов «Словарь-справочник лингвистических терминов» (3-е изд. — 1985) Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой при семантизации термина *афористичность речи* как «насыщение речи афоризмами — лаконичными, отточёнными по форме и выражающими обобщённую мысль изречениями» [5. С. 23].

Симптоматично, что термин *афоризм* не всегда семантизируется в словарях лингвистических терминов в тех случаях, когда не удаётся избежать его упоминания. Так, в «Англо-русском словаре по лингвистике и семиотике» (2003) под редакцией А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского, где почти все термины толкуются в форме «комментария» (наличие которого признаётся составителями словаря как «очень важный фактор, способствующий выбору правильного эквивалента при переводе лингвистического текста» [6. С. VII]), ни английское *aphorism*, ни его русский аналог не комментируются [6. С. 24], хотя объём и содержание их понимания существенно различаются в англо-американской и русско-восточнославянской лингвистических традициях [7].

На фоне почти тотального игнорирования термина *афоризм* (и от него производных) в общелингвистической справочной литературе показательным выглядит его включение в частнолингвистические энциклопедии (например, русского языка, белорусского языка, украинского языка и др.). В них, однако, *афоризм* (бел. *афарызм*, укр. *афоризм*) толкуется не всегда однозначно, что порождает диаметрально различное его понимание в разных национальных ответвлениях языкознания [8. С. 42; 9. С. 60—61; 10. С. 39]. Достаточно противоречивыми являются и определения афоризма в рамках изучения отдельных языков. Не случайно в первом издании энциклопедии «Русский язык» (1979) и последующих (2-е изд. — 1997, 2008) указывается, что понятие афоризма «не имеет общепринятого определения» [11].

Несмотря на свою метаязыковую неопределённость, термин *афоризм* широко используется в языковедческих исследованиях самой разнообразной тематики, а афоризму как объекту лингвистического описания посвящаются тысячи научных работ самых различных жанров. Только на русском языке за последние двадцать лет появилось больше лингвистических исследований афоризма, чем за всё предыдущее время, в том числе защищено свыше 50 диссертаций (в названиях которых употребляется термин *афоризм* или его производные) по различным языковедческим специальностям (включая такие традиционно базовые для лингвистики, как 10.02.19 — теория языка и 10.02.20 — сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание). Однако можно констатировать, что сколь-нибудь существенного шага вперёд в понимании того, что следует называть афоризмом, в лингвистике не произошло. Афоризм в большинстве исследований либо не получает определения как собственно лингвистический объект (используется его общефилологическая или узко литературоведческая трактовка), либо определяется *ad hoc*, когда каждый исследователь понимает его в соответствии со своими взглядами и тем языковым материалом, который в данном случае анализируется.

Наиболее противоречивыми являются попытки выделить основные признаки (свойства) афоризма как объекта лингвистики. Так, при определении афоризма в языковедческих исследованиях широко используются понятия «краткий (или лаконичный)», «оригинальный», «глубокий», «отточенный (по форме)», «выразительный», «остроумный», «парадоксальный», «авторский», «запоминающийся», «неповторимый» и т.д., которые не являются собственно лингвистическими (не являются частью метаязыка лингвистики). В последнее время стали заметны поиски одного определяющего признака, на основе которого можно объединить все высказывания разного содержания и различной синтаксической формы, которые обычно называются *афоризмы*, в одну группу (тип) лингвистических единиц. В качестве такого признака предлагается «концептуализация» (отражение наиболее актуальных для носителей языка понятий «концептов») [12. С. 27], «паспортизация» (знание носителями языка автора) [12. С. 29—30], «воспроизводимость»

(хранение в сознании носителей языка и повторение в речи в «готовом» виде) [13. С. 81], а также «идиоматичность» (выражение содержания, выходящего за пределы суммы значений лексических компонентов), «поэтичность» (выразительность словесной формы) и др. Однако эти и подобные им свойства присущи не только афоризмам, но и другим видам сверхсловных образований (фразеологизмам, крылатым словам, литературным цитатам и т.д.), что не сужает понятие афоризма до определённого типа лингвистических единиц, а необозримо расширяет его до любого высказывания (свободного или устойчивого), которое является или концептуализированным, или паспортизированным, или воспроизводимым, или идиоматичным, или поэтичным (выразительным) и т.д.

В этой связи наиболее актуальной и значимой проблемой изучения афоризма как объекта лингвистики видится прежде всего определение его собственно лингвистических признаков (свойств), на основании которых будет возможно непротиворечиво дифференцировать афоризмы в кругу иных сверхсловных единиц.

В результате предварительно проведенных исследований на материале белорусского языка установлены и описаны некоторые лингвистические свойства афоризма [14], в том числе обобщённо-универсальное значение [15], однофразовая структура [16], идиоматичность [17], номинативный характер плана содержания [18], дискурсивная автономность [19], текстовая форма [20], воспроизводимость и устойчивость [21].

Цель исследования — определить и описать минимальное количество наиболее лингвистически значимых признаков (свойств) афоризма как объекта лингвистики, а также установить их облигаторный / факультативный характер, их специфичность / общность (для афоризма и близких ему сверхсловных образований).

Материалом для исследования послужили высказывания на русском, белорусском, польском, английском языках, содержащиеся в письменных памятниках, книгах изречений, отраженные в компиляциях из различных текстовых источников, зафиксированные в справочных изданиях — сборниках и словарях, в названии или при квалификации объекта описания которых использован термин *афоризм* (или производное — *афористический*). При отборе материала использовался приём сплошной выборки. Общее количество исследованных афоризмов составило свыше 50 000 единиц из более 120 рукописных и печатных источников (все они уже использовались ранее при описании аспектов эмпирического понимания понятия афоризма [2]).

Методы исследования — описательный метод, таксономия, структурный, семантический, функциональный, дискурсивный, стилистический анализ.

1. Собственно лингвистические признаки афоризма

Исследование показало, что из множества приписываемых афоризму свойств лингвистически релевантными (которые можно назвать и описать в

терминах языкознания) являются сравнительно немногие. Именно такие свойства характеризуют афоризм как объект лингвистики и должны квалифицироваться как его собственно лингвистические признаки.

Например, такое свойство, как «авторство» (наличие автора), или «паспортизация» (согласно А.В. Корольковой) [12. С. 29—30], характерное для многих афоризмов (прежде всего как художественных или публицистических произведений), затруднительно признать значимым для их лингвистического описания, поскольку наличие автора или текстового источника, во-первых, не имеет отношения ни к содержанию, ни к форме афоризма (связь между ним и его автором — фоновая ассоциация, обусловленная экстралингвистическими факторами), а во-вторых, не является имманентным (воспроизведение в сознании носителей языка ассоциативной связи афоризма с его автором или текстовым источником не является регулярным, прямо зависит от характера функционирования той или иной афористической единицы, которая может одновременно воспроизводиться в речи одних носителей языка как авторская — крылатое выражение, а в речи других как лишенная авторства — пословица). Так, многие знают и употребляют в своей речи изречение *Время — деньги* (англ. *Time is money*), а также знают американского политика и государственного деятеля Бенджамина Франклина (1706—1790), могли видеть его портрет на банкноте номиналом 100\$ (где он размещается с 1914 г.) и часто ошибочно считают его одним из Президентов США (т.е. весьма авторитетной личностью), однако далеко не все соотносят это изречение с именем Б. Франклина как его автора.

Для верификации такого утверждения не нужно проводить опрос носителей языка, достаточно сделать запрос в Национальный корпус русского языка, чтобы убедиться, что ссылка в речи на имя автора или вообще на авторский характер изречения *Время — деньги* встречается примерно в 5% случаях его употребления. Применительно к популярным изречениям, автор которых сам по себе менее известен, ассоциативная связь между ними ещё слабее (и исчезает вовсе, если автор не известен никому). Трудно представить себе, кто из носителей языка, кроме специалистов-филологов или любителей крылатых слов, знает, что автором широко известной русской пословицы *С милым рай в шалаше* является российский педагог и поэт, татарин по этнической принадлежности Нигмат Ибрагимов (1778—1818), писавший свои произведения на русском языке? Авторство афоризмов указывается в их многочисленных сборниках, а также в словарях крылатых выражений, что создает иллюзию неотъемлемой связи содержания / формы афоризма с представлением о его авторе / текстовом источнике. За пределами же справочных источников, как свидетельствуют данные Национального корпуса русского языка, гораздо важнее оказывается то, о чём и в какой форме сообщается в изречении, а не то, кто и где его высказал. Можно утверждать, что выделение признака «авторство (паспортизация)» является скорее данью литературоведческому изучению афоризма (как литературного

произведения, которое всегда имеет автора и содержательно и формально представляет с ним неразрывное целое), однако не имеет ничего общего с пониманием афоризма как объекта лингвистики.

В свою очередь, при выделении собственно лингвистических свойств афоризма важно дифференцировать их по критериям существенность / несущественность, а также необходимость / случайность. Только существенные и необходимые свойства, характеризующие языковую природу афоризма, могут быть использованы для его определения как объекта лингвистики.

Например, такой признак афоризма, как «раздельнооформленность», который выделяется рядом исследователей [12. С. 30], не может считаться ни существенным, ни необходимым для афоризмов, поскольку, с одной стороны, является следствием их выражения в форме законченного высказывания (фразового текста или устойчивой фразы), а с другой, противоречит тому, что часть афоризмов имеет однословную форму выражения (типа *Бди!* или *Козыряй!* у Козьмы Пруткова), не противоречащую их однофразовой природе. Раздельнооформленность является существенным и необходимым признаком фразеологизмов в плане их противопоставления слову в структуре фразы и не может автоматически применяться к единицам фразового уровня, к которым относятся афоризмы, поскольку лексическая организация фразы, как известно, может ограничиваться одним словом.

Формирование собственно лингвистического понятия афоризма должно основываться на выделении признаков, которые, во-первых, характеризуют его как продукт речемыслительной деятельности, т.е. являются лингвистически релевантными, а во-вторых, являются существенными и необходимыми для его характеристики как специфического объекта лингвистики. К таким признакам, как показало исследование, целесообразно относить сверхсловность, однофразовость, обобщённость (значения), номинативность, дискурсивную автономность, текстовую форму (создание и употребления в виде отдельного текста), воспроизводимость, устойчивость, идиоматичность, выразительность (эстетичность) словесной формы.

1.1. Сверхсловность

Сверхсловность — это одно из наиболее очевидных свойств афоризма, который состоит (и образуется) из слов и их комбинаций, поэтому естественно воспринимается как единица, большая по своим линейным параметрам, чем слово. Однако отношение афоризма (фразового текста или устойчивой фразы) к слову является существенно иным, чем у фразеологизма, что требует своего объяснения.

Как известно, количество слов (кроме служебных) в афоризмах обычно составляет от 3 до 5 [22]. Однако немало и таких, которые состоят из большего (часто значительно) лексического объёма. Это преимущественно литературно-художественные афоризмы, получившие даже собственное терминологическое

обозначение — «афористические высказывания» [23. С. 88]. Напр.: *Есть три рода подлецов на свете: подлецы наивные, то есть убеждённые, что их подлость есть высочайшее благородство, подлецы, стыдящиеся собственной подлости при непременно намерении всё-таки её докончить, и, наконец, просто подлецы, чистокровные подлецы* (Ф.М. Достоевский); бел. *Хто раней, / хто пазней, / Толькі ўсе / Зноў і зноў / Мы прыходзім / Да простых, / як хлеб і паветра, / Высноў: / Што жыццё чалавеку — / Любому — / Дзецца адно, / І што, / як ні надточвай, / Кароткае вельмі яно, / І што праўда на свеце / Адна — / Без крупінкі маны, / І што іччася на свеце / Няма / Без сваёй стараны...* (Г. Бураўкін); польск. *Człowiek, który zostawia po sobie pamiętnik źle lub dobrze pisany, byle szczery, przekazuje i daje przyszłym psychologom i powieściopisarzom nie tylko obraz swoich czasów, ale jedynie prawdziwe ludzkie dokumenty, którym można zaufać* (H. Sienkiewicz). В то же время достаточно много встречается и предельно кратких по своему лексическому составу афоризмов (в основном пословичных), в том числе состоящих всего из 2 полных слов (чаще с 1 служебным словом — частицей, союзом, предлогом), напр.: *Дают — бери; Деньги — вода; Женится — переменится; Поживём — увидим*; англ. *Extremes meet; Finding's keeping; Forgive and forget; Give and take; Live and learn; Money talks; Tastes differ; Time flies; Times change*; бел. *Гаспадарка — клапатарка; Душа як лес; Праўду не закапаеш; Скажаш — не вернеш; Спроба не хвароба; Усім не дагодзіш; Цягнота — не крывота; Чужое не сагрэе*; польск. *Bity płaci; Nie zawsze święto; Podróże kształcą; Po radości smutek; Rozumu nie kupisz; Ubóstwo nie hańbi; W jedności siła* и т.п.

На наш взгляд, сверхсловность как одно из свойств афоризма призвана репрезентовать не столько количество его лексических компонентов, сколько качественно иные, чем у слова, грамматические и семантические параметры. В связи с этим понятие лаконичности следует соотносить с количеством не только слов, но и синтаксических связей в высказывании (такое понимание лаконичности подробно описано на материале малых жанров белорусского фольклора [24]).

Так, возможно существование афоризмов, образованных из одного слова (в том числе в аналитической форме, а также с отрицательной частицей) по ограниченному ряду синтаксических моделей предложения, напр.: *Наладится; Обойдётся; Образуется* (житейские умозаключения); *Делись; Угощай* (реклама мобильного оператора МТС в Беларуси); *Бди!* (К. Прутков); *Козырай!* (К. Прутков); *Терпение!* (т.е. 'Нужно уметь ждать'); англ. *Help* 'Помоги' (девиз "Foundling Hospital" в Лондоне); бел. *Вучыцца* (наставление молодым); *Працуй* (совет); польск. *Nie zabijaj; Nie kradnij* (библейские заповеди); *Nie załamuj się* (житейское умозаключение) и т.п.

Однословные афоризмы следует отличать от таких изречений, которые состоят из отдельных слов, связанных общим значением, и образуют фразы с синтаксической структурой сложного предложения (обычно бессоюзного,

реже сложносочинённого предложения с союзом *и*), а также от сочетаний нескольких афоризмов, использующихся преимущественно в качестве слоганов, девизов, призывов, лозунгов, надписей и др. Напр.: *Православие, самодержавие, народность!* (лозунг государственной идеологии России в период правления императора Николая I); *Не верь, не бойся, не проси* (заповедь тюремно-лагерно-блатной жизни); англ. *Watch. Pray. Work* ('Бди. Молись. Работай' — надпись на часах); бел. *Гонар і годнасць* (девиз); «*Граі! Кахай!*» (девиз романтического фестиваля в Минске в День влюблённых в 2018 г.); польск. *Bóg, Honor, Ojczyzna* (девиз); *Wolność! Równość! Braterstwo!* (лозунг) и т.п. Однословные афоризмы следует отличать также от модифицированных форм (сокращений в речи до одного, обычно начального, слова) устойчивых фраз, напр.: *Не откладывай!* (← *Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня*); *Полегче!* (← *Полегче на поворотах*); англ. *Catch!* (← *Catch as catch can*); *Deeds!* (← *Deeds, not words*); бел. *Бывае...* (← *Усё ў жыцці бывае*); *Перамелецца...* (← *Перамелецца — мука будзе*); польск. *Pracuj <nieboże>...* (← *Pracuj, nieboże, a bóg ci dopomoże*); *Wiara!* (← *Wiara zbawia i uzdrawia*) и т.п.

Однословные афоризмы грамматически и семантически не тождественны словам, из которых образованы или до которых сокращены. Такие афоризмы отличаются от слов своим грамматическим оформлением не как словоформы, а как предложения, наличием не лексической, а синтаксической семантики.

И однословные, и сверхсловные афоризмы построены по одинаковой синтаксической модели «абстрактного предложения» (англ. *universal analytical proposition*, нем. *abstracter Satz*) — «содержащего всеобщее или вневременное утверждение» [3. С. 30], напр.: руск. *Бди!* ('Будь бдителен' — каждый, всегда, по отношению ко всему и ко всем); англ. *Help* ('Помоги' — любому, каждому, в любое время, всеми способами); *Вучыцеся!* ('Получай знания' — любые полезные, каждый, в любое время, всеми способами); польск. *Nie zabijaj* ('Не убивай' — никто, никого, никогда, ни по какой причине) и т.п.

Поэтому однословные по количеству своих лексических компонентов афоризмы являются сверхсловными по своим качественным отличиям от слова-аналога (по грамматическому и семантическому объёму). В связи с этим сверхсловность (англ. *more than word*) как свойство афоризма правильно будет квалифицировать не в квантитативном, а в квалитативном измерении — как «надсловность» (англ. *higher than word*).

Такое понимание взаимосвязи афоризма со словом позволяет точно и однозначно разграничить афористические и фразеологические единицы по их отношению к слову. Для фразеологизма сверхсловность является облигаторным свойством и одним из дифференциальных признаков (для качественного и количественного разграничения лексических и фразеологических единиц в предложении). Для афоризма сверхсловность — это факультативное свойство по количественному показателю (поскольку существуют афористические

фразы, состоящие только из одного слова). Признак сверхсловности приобретает obligatory характер для афоризмов только в его качественном понимании (как «надсловности», исходя из возрастающей сложности грамматических и семантических параметров однословных афористических фраз, по сравнению с аналогичными лексическими единицами) [25].

1.2. Однофразовость

Однофразовость как признак афоризма ограничивает его максимальный линейный объём и в этом смысле противопоставляется сверхсловности, которая репрезентирует его минимальные структурные параметры [16]. Однофразовый объём плана выражения афоризмов обусловлен их смысловой завершенностью и присущей им синтаксической структурой предложения. Ограничение, в свою очередь, грамматической организации афоризма только одним предложением основано на том факте, что все без исключения устойчивые и воспроизводимые афоризмы (прежде всего пословицы), а также подавляющее большинство свободных (производимых в речи) афористических высказываний имеют синтаксическую форму одного простого или сложного предложения.

Следует отметить, что литературные афоризмы часто намеренно (в художественных, риторических или стилистических целях) создаются своими авторами в сегментированной форме — в виде двух или более предложений, образующих содержательно неразрывное сообщение, смысловое единство которого (семантическая взаимообусловленность сегментированных частей афоризма), как правило, маркировано различными формальными средствами (парными союзами / союзными словами, присловными связями, лексическими повторами, эллипсисом и др.), напр.: англ. *Education makes a people easy to lead, but difficult to drive. Eeasy to govern, but impossible to enslave* (H. Peter, Lord Brougham); *Railway termini. They are our gates to the glorious and the unknown. Through them we pass out into adventure and sunshine, to them, alas! we return* (E.M. Forster); бел. *Першыя дзеці ёсць адзнака маладосці жанчыны. Апошняя дзіця ёсць адзнака сталасці перад старасцю* (К. Чорны); *Чалавек павінен умець не толькі стрымліваць свае пачуцці. Ён павінен умець і абурацца, пратэставаць, калі гэта трэба* (І. Шамякін); польск. *Otyli żyją krócej. Ale jedzą dłużej* (S.J. Lec); *Wszelkie słowo w istocie swej jest czcse i próżne. Nawet słowo najgenialniejszych poetów. Nawet spisane natchnienie proroka* (S. Żeromski); *Zło jak ciemność. Trwa wiecznie. A dobro to rozbłysk, to nietrwale zwycięstwo nad ciemnością* (Т. Konwicki). При этом каждый последующий сегмент может выполнять функцию объяснения или семантического расширения предыдущего (базового) сегмента (который обычно является содержательно законченным и полностью автономным), а в случае обособления от него, как правило, утрачивает свой первоначальный (авторский) смысл, напр.: англ. *Just as every conviction begins as a whim so does every emancipator serve his ap-*

prenticeship as a crank. A fanatic is a great leader who is just entering the room (Н. Broun); *Man is a tool-using animal... Without tools he is nothing, with tools he is all* (Th. Carlyle); бел. *Чалавеку цяжка перарабіцца адразу. Можна думаць і гаварыць іначай, а сам чалавек доўга будзе ранейшым* (К. Чорны); *Леней недаацэніць сябе, чым пераацэніць. Калі недаацэніш — цябе напавяць людзі. Пераацэніш — таксама напавяць пасля...* (Я. Сіпакоў); польск. *Gdzie nie ma winnych, muszą być przynajmniej ukarani. Nie wina, ale kara następująca po zbrodni uczy innych, że tego spełniać nie wolno* (В. Prus); *Heroizm nie jest w samych bitwach, ale na wszystkich polach życia i nieustannie. Owszem, bitwy dlatego tylko bywają, iż heroizm nie bywa pierwaj na polach życia praktykowany.* (С.К. Norwid). Однофразовый характер сегментированных литературных афоризмов подтверждается возможностью их воспроизведения в нейтральных условиях (вне авторского контекста) в виде одного предложения без потери первоначального смысла как сообщения в целом и его отдельных (являющихся сегментами) частей.

Также афоризмы могут употребляться (создаваться) в содержательно неразрывном сочетании с другими афоризмами, образуя либо ряд (серию) афористических высказываний (в случае функционирования в контексте литературного произведения или устной речи), либо афористические тексты (в случае порождения или выделения из контекста в качестве самостоятельных речевых произведений — литературных или фольклорных).

Серии афоризмов и афористические тексты — это последовательные комбинации двух или более (обычно до десяти) афористических фраз, которые 1) содержательно объединены общей темой или проблемой, одним предметом сообщения или концептом, 2) могут образовывать с точки зрения логических отношений т.н. «сложные высказывания», т.е. соотноситься между собой по правилам различных логических операций, 3) как правило, связаны между собой посредством различных лексических, синтаксических, просодических и др. средств, благодаря чему воспринимаются как семантически и формально целостные сверхфразовые комплексы. Напр. (каждая афористическая фраза в составе серии афоризмов обозначена в своем конце номером по порядку): *Не рассуждай, не хлопочи!... [1] Безумство ищет, глупость судит [2], Дневные раны сном лечи [3], А завтра быть чему, то будет [4]. Живя, умей всё пережить: Печаль, и радость, и тревогу [5]. Чего желать? О чём тужить? День пережит — и слава богу! [6]* (Ф.И. Тютчев); *Язык — незаменимое орудие классовой борьбы [1]; Нет языка, который не был бы классовым, и, следовательно, нет мышления, которое не было бы классовым [2]* (Н.Я. Марр); англ. *The web of our life is of a mingled yarn, good and ill together: [1]; our virtues would be proud, if our faults whipped them not [2]; and our crimes would despair, if they were not cherished by our virtues [3]* (W. Shakespeare); *Under all speech that is good for anything there lies a silence that is better [1]; Silence is deep as Eternity [2]; speech is shallow as Time [3]* (Th. Carlyle); *The world can only be grasped by action, not*

by contemplation... [1]; *The hand is the cutting edge of the mind* [2] (J. Bronowski); бел. *То [Зямля] — наймацнейшая аснова І жыцця першая ўмова* [1]; *Зямля не зменіць і не здрадзіць* [2]; *Зямля паможэ і дарадзіць* [3]; *Зямля дасць волі, дасць і сілы* [4]; *Зямля паслужыць да магiлы* [5]; *Зямля дзяцей тваіх не кіне* [6]; *Зямля — аснова ўсёй Айчыне* [7] (Я. Колас); польск. *A nade wszystko szanuj mowę twą ojczystą.* [1]; *Nie znać języka swego — hańba oczywistą* [2] (F.K. Dmochowski); *Złe niewątpliwie jest tylko jedno: krzywdą bliźniego* [1]; *Człowiek — jest to rzecz święta, której krzywdzić nikomu nie wolno* [2] (S. Żeromski) и т.п.

Серии афоризмов и афористические тексты следует отличать от таких сегментированных афористических высказываний, в которых сегменты не имеют формальных маркеров смысловой связи между собой (каждый сегмент воспринимается, на первый взгляд, как независимый от другого афоризм). Однако в сегментированных афористических высказываниях их части не могут использоваться отдельно друг от друга (как самостоятельные афоризмы), не теряя своего первоначального смысла или смысла вообще (что касается, как правило, финальной сегментированной части афористического высказывания, которая воспринимается отдельно от предыдущей как парадоксальная или даже бессмысленная), напр.: *Делить веселье — все готовы: Никто не хочет грусть делить* (М.Ю. Лермонтов); англ. *For righteous monarchs, Justly to judge, with their own eyes should see; To rule o'er freemen, should themselves be free* (H. Brooke); *If two lives join, there is oft a scar, They are one and one, with a shadowy third. One near one is too far* (R. Browning); бел. *Бедны запомніць багатых дні. Бедных дні не забудзе багаты* (Р. Бардулін); польск. *Teatr dla publiczności jest — publika ceni. Gadaj sercem, a będą głową potakiwać, jak gdybyś sercem grał* (S. Wyspiański); *Bądź altruistą. Szanuj egoizm drugich* (S.J. Lec) и т.п.

Нужно отметить, что афоризмы употребляются также в семантически нераздельных сочетаниях с неафористическими фразами и регулярно образуют с ними либо специфические жанровые разновидности малых текстовых форм (напр., *анофегмы, хриш, велеризмы, фрашки, рубаи* и др.), либо стандартно структурированные в рамках различных стилей и жанров тексты, в которых афоризм занимает или позицию заголовка, или основного композиционного компонента (напр., *басни, притчи, анекдоты, эпиграммы* и др.). В этом случае возникает проблема разграничения афоризма и ряда близких ему по линейным параметрам малых текстовых форм (малых речевых жанров).

Свойство однофразовости присуще всем без исключения афоризмам (как свободным, так и устойчивым), поэтому является облигаторным. Вместе с тем однофразовость не может рассматриваться как дифференциальный признак афоризма, поскольку характеризует и другие типы свободных и устойчивых свёрхсловных единиц.

1.3. Обобщённость (значения)

Обобщённость является одним из трёх (наряду с законченностью и краткостью) признаков, традиционно приписываемых афоризму [22], в том числе и в лингвистике [4. С. 17], [5. С. 23], однако в отличие от остальных двух понимается наиболее неоднозначно и противоречиво в силу недостаточной определенности в терминах семантики. Так, в обстоятельной монографии «Русская афористика» (2005) А.В. Корольковой отмечается, что все «фразеологические единицы и афоризмы имеют обобщающий характер» [12. С. 27], однако вместе с тем «способность выражения универсальных истин» квалифицируется только как факультативный признак афоризма [12. С. 33]. В свою очередь, в известном энциклопедическом словаре-справочнике «Культура русской речи» (2003) афоризм определяется как «разновидность универсальных высказываний», содержащих «полученную обобщением... мысль» [26. С. 90]. Семантические понятия обобщённости и универсальности достаточно широко используются при определении афоризма как лингвистического объекта (ср. в наиболее известных работах по лингвистике афоризма С.Г. Гаврина [27], Е.Н. Гавриловой [28], Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова [29], Ю.Е. Прохорова [11; 30], В.И. Шмариной [31] и др.), однако специально, как правило, не толкуются. Это заставляет исследователей афоризма обращаться к поиску формально-грамматических признаков обобщённости афоризма, которые присутствуют, однако не являются регулярными, поскольку обобщение на уровне фразы — это собственно семантическое явление, не имеющее ни в одном из известных языков мира специальных грамматических форм выражения. Отсутствие таковых часто является основанием для заключения, что «признак обобщённости применительно к афоризмам не доказуем» [13. С. 2], а значит может не учитываться при их определении как объекта лингвистики.

Между тем не требует доказательств то, что любой носитель языка никогда не перепутает, когда фраза *Рыбы плавают* означает, что '(Все) рыбы (всегда и везде) плавают' (обобщение действительности), а когда, что '(Вот эти) рыбы (в данный момент вот здесь) плавают' (конкретизация действительности). А это значит, что в сознании носителей языка (и, соответственно, в языковой системе) различаются и сосуществуют два противопоставленных друг другу семантических типа высказывания, которые имеют идентичную формально-грамматическую организацию, но характеризуются наличием / отсутствием обобщённости своего значения.

Исследование показало, что подавляющее большинство высказываний, которые принято называть *афоризмы*, имеют обобщённое значение, т.е. выражают действительность в отвлечённом от каких бы то ни было конкретных фактов плане. Именно по признаку обобщённости значения афоризмы можно противопоставить иным сверхсловным единицам, в которых действительность выражается в конкретно-фактологическом плане [15], ср.:

Книга учит нас жить — Книга лежит на столе; англ. *The city is not built in a day — Rome was not built in a day*; бел. *Ад работы конідохнуць — Ад гэтай работы конідохнуць*; польск. *Każdy początek jest trudny — Początek tej sprawy był trudny* и т.п.

Важно отметить, что обобщённость значения афоризмов имеет не функциональный, а субстанциональный характер (не проявляется в контексте их употребления, а существует независимо от него), поэтому к афоризмам можно относить только те сверхсловные единицы, которые имеют семантико-синтаксическую форму уже упоминавшегося «абстрактного предложения», которое предназначено выражать «всеобщие или вневременные утверждения» [3. С. 30], напр.: *Краткость — сестра таланта* (А.П. Чехов); *Ум хорошо, а счастье лучше*; англ. *Time is money* (В. Franklin); *Art is long, life is short*; бел. *Хваробы лечаць і атрутамі* (М. Багдановіч); *Смерць нікога не абходзіць*; польск. *Człowiek nie jest stworzony na łzy i uśmiechy*, *Ale dla dobra bliźnich swoich* (А. Mickiewicz); *Glupia rozmowa niewarta słowa* и т.п. Не являются афоризмами те сверхсловные единицы, которые могут порождаться или воспроизводиться в речи как средство обобщения однотипных ситуаций, однако не представляют по своей семантико-синтаксической форме абстрактные предложения (выражают утверждения, конкретизирующие действительность во временном, пространственном, персональном плане), напр.: *Бойцы поминают минувшие дни / И битвы, где вместе рубились они* (А.С. Пушкин); *Гладко было на бумаге, да забыли про овраги* (Л.Н. Толстой); *Будет и на нашей улице праздник*; *Не мы первые, не мы последние* (пословицы); *Птичку жалко!* (крылатые слова из популярной кинокомедии «Кавказская пленница»); англ. *Care killed a cat*; *Don't teach your grandmother to suck eggs*; *First catch your hare*; *Give us the tools, and we will finish the job*; *If you don't like it, you can lump it* (proverbs); бел. *Ад вёскі адбіўся, у палац не папаў* (Я. Купала); *Спяваеш добра, ды ці тое?* (Я. Колас); *Абедаў, а жылот не ведаў*; *Вырас пад неба, а дурань як трэба*; *Ішоў ваякам, а назад ракам*; *Ні села, ні пала, захацела баба сала* (прыказкі); польск. *Posiadł wiedzę, ale jej nie zapłodnił* (S.J. Lec); *Chcąc skarać raka, w wodę go wrzucił*; *Reputacja na psy poszła* (przysłowia) и т.п.

Обобщённое значение приобретает в афоризмах специфический характер по сравнению с обобщённостью лексических и фразеологических единиц, морфологических и синтаксических значений, категорий и форм, а также с обобщением содержания в неафористических высказываниях. Обобщение в афоризмах по отношению к действительности, которая обобщается, не является предметным, абстрактным или образным, как в лексике и фразеологии, не характеризуется отвлечённым характером и внутриязыковой природой, как в грамматике. Обобщение в афоризмах имеет характер не фактологический (регистрирующий), как в иных (не являющихся афоризмами) обобщённых высказываниях, а универсальный (всеобщий), предназначено для выражения не множества связей между множеством объектов (*Всем этим У всегда при-*

сущи эти *X* или *Все эти X всегда выполняют все эти действия Y* и т.п.), а вневременных и нелокализованных связей между классами неединичных объектов (*Всем X класса X всегда присущи все Y класса Y* или *Все X класса X всегда выполняет все действия Y класса Y* и т.п.). Такая дифференциация обобщения на уровне высказывания является основополагающей при описании семантики афоризма и определении его понятия как объекта лингвистики, поэтому требует специального объяснения.

Так, все обобщённые по содержанию высказывания делятся на те, в которых обобщение носит фактологический (регистрационный) характер, и те, в которых оно носит универсальный (всеобщий) характер. При фактологическом (регистрационном) обобщении в высказывании сообщается об объектах (субъектах, свойствах, процессах, явлениях) в виде их конкретного множества (если их количество известно участникам речевого акта) или регистрирующего множества (если их количество точно не известно участникам речевого акта, но воспринимается ими как ограниченное, т.е. такое, которое можно при желании точно определить).

В первом случае сообщается об определённом количестве неединичных объектов, напр.: *Все планеты солнечной системы вращаются вокруг своей оси*; *Зубы у человека вырастают два раза в жизни*; англ. *All days of the week are good*; *It will be all the same a hundred years hence* (proverbs); бел. *Па ўсіх школьных прадметах праводзяцца алімпіяды вучняў*; *Дзеткі падраслі — хатку растраслі*; польск. *Pegaz nie powinien być kuty na wszystkie cztery nogi* (S.J. Lec); *Co trzydzieści lat to i inszy świat*; *Co siedem lat charakter się zmienia* (przysłowia) и т.п. Или даже о единичных объектах, которые образуют множество из одного элемента, напр.: *В России две напасти: внизу — власть тьмы, а наверху — тьма власти* (В.А. Гиляровский); *Двум смертям не бывать, а одной не миновать* (у прамым значэнні); *Москва слезам не верит*; англ. *The devil can cite Scripture for his purpose* (W. Shakespeare); *Christmas comes but once a year*; *Homer sometimes nods*; *Let the world wag*; *Light not a candle to the sun*; *Tell it not in Gath* (2 Kings, I, 20); *When in Rome do as the Romans do*; бел. *І на сонцы ёсць плямы*; *Не адзін Гаўрыла ў Полацку*; польск. *Pamiętajcie o tym, że jeśli diabeł chce kogoś kopnąć, nie uczyni tego nigdy swym końskim kopytem, lecz swą ludzką nogą* (S.J. Lec); *Świata nie przerobisz*; *Wszędzie słońce świeci* и т.п.

Во втором случае сообщается о множестве неединичных объектов, количество которых может быть точно не известно, но является когнитивно актуальным для носителей языка (осознается как конечно, а не бесконечное множество), напр.: *Мои года — мое богатство* (крылатые слова из популярной песни); англ. *All metals are electrical conductors*; бел. *Кожнае свята ў гаду дорыць добры настрой*; польск. *Epoki tworzy archeologia* (S.J. Lec); *Wszystkie systemy filozoficzne mijają jak cienie, a msza po staremu się odprawia* (H. Sienkiewicz) и т.п.

При универсальном (всеобщем) обобщении в высказывании сообщается не о множествах объектов, их свойств или связей, а о них как о целых классах. В этом случае предметом сообщения могут выступать только неединичные объекты, количество которых ничем не ограничено и при нейтральном восприятии высказывания (вне речевого контекста) не может быть точно известно (определено) ни при каких обстоятельствах (является когнитивно нерелевантным для носителей языка), даже если их количественный объём намеренно дифференцируется автором афоризма с той или иной целью (художественной, риторической и др.), напр.: *Есть времена, есть целые века, В которые нет ничего желанней, Прекраснее тернового венка* (Н.А. Некрасов); *Одного яйца два раза не высидишь!* (К. Прутков); *Только влюблённый имеет право на звание человека* (А.А. Блок); *Что русскому здорово, то немцу смерть*; англ. *An Englishman's house is his castle; The biter is sometimes bit; It takes two to make a quarrel; Some Like It Hot* (movie title); *Where ignorance is bliss, tis folly to be wise* (T. Gray); бел. *Другі баран — ні «бэ», ні «мя», а любіць гучнае імя* (К. Крапіва); *Некаторыя пісьменнікі вельмі не любяць, калі крытыкі называюць сябе чытачамі ў першую чаргу* (В. Каваленка); польск. *Niektórzy ludzie pozbawieni są daru widzenia prawdy* (S.J. Lec).

Формальным критерием отнесения данной обобщённой фразы к числу афоризмов является, во-первых, возможность её употребления в речи по отношению к целым классам тех субъектов (объектов, действий), о которых в ней сообщается, а во-вторых, невозможность её использования в спонтанной речи для сообщения об ограниченном множестве и/или единичности субъектов (объектов, действий) без возникновения несоответствия практическому или теоретическому опыту носителей языка (т.е. неразрешимого когнитивного противоречия между смыслом высказывания и пресуппозицией). Напр.: *Педагоги обязаны быть терпеливыми* (не может употребляться по отношению к определённой, данной группе педагогов без дискурсивных конкретизаторов — *нашей школы* и т.д.); *Птичку жалко!* (не может употребляться по отношению ко всему классу *птички*, которых *жалко*, что отражено в авторском контексте, где киногерой жалеет только ту *птичку*, о которой услышал в застольном тосте, ему *жалко* только ту *птичку*, которая решила полететь к Солнцу и сожгла свои крылья; что подтверждается семантически недискретным использованием крылатого изречения в речи — как междометия, чтобы продемонстрировать «показную жалость, шутовское сожаление о случившемся (при этом реплика усиливается нарочитым всхлипыванием)» [32. С. 171]); англ. *Art is long, life is short* (невозможно использовать в речи по отношению к жизни конкретного человека без дискурсивных конкретизаторов — *He, She, Their* и т.д.); бел. *Дзеткі падраслі — хатку растраслі* (не может употребляться по отношению ко всему классу *дзеткі*, имеются в виду только конкретные *дзеткі* тех, известных участникам речевого акта родителей, чью *хатку растраслі*; при этом данная фраза содержательно не совпадает с пословицей *Дзеткі падрастуць — хатку растрасуць*, которая имеет

обобщённо-универсальное значение ‘Дзеці чым больш растуць, тым больш патрабуюць на сябе выдаткаў ад бацькоў’); польск. *Glupia rozmowa niewarta słowa* (невозможно сказать по отношению к данной rozmowie без конкретного указания на нее — *Ta, Twoja i т.д.*).

Обобщение действительности в афоризмах может сопровождаться образной мотивацией как значений их отдельных лексических компонентов, так и общего значения. При этом отдельные переосмысленные лексические компоненты афоризма могут в своём прямом значении не иметь обобщённого содержания, обозначать конкретные, в том числе единичные, объекты, напр.: *Бог не ровно делит* (где *Бог* означает ‘судьба’); *Доброму Савве добрая и слава* (где *Савва* означает ‘человек’); *Молчалины блаженствуют на свете!* (А.С. Грибоедов) (где апеллятив *молчалины* означает ‘приспособленцы, льстецы, подхалимы, карьеристы и т.п.’); *У всякого человека есть внутри его свой Патмос* (А.А. Григорьев) (где *Патмос* означает ‘божественное откровение, духовное озарение’, от *Патмос* — остров в Эгейском море, в пещере которого Святому Апостолу Иоанну Богослову открылась воля Божая и явилось Откровение, отражённое в содержании книги Нового Завета «Апокалипсис»); *Язык до Киева доведёт* (где *Киев* — это ‘место, к которому не знаешь точной дороги’); англ. *Every man for himself, and the devil take the hindmost* (где выражение *the devil take the hindmost* означает ‘последнему хуже всех’); *God is always on the side of the big battalions* (где *God* означает ‘победа’); бел. *Свабоды бог з неба не скіне* (Я. Колас) (где выражение *бог з неба не скіне* означает ‘само па сабе не з’явіцца’); *Чым за морам віно піць, лепш з Нёмана вадзіць* (где з *Нёмана* означает ‘з ракі на Радзіме’); польск. *Każdy kraj ma swój raj* (где *raj* означает ‘благодать’); *Nie wierz Fortunie, co siedzisz wysoko* (J. Kochanowski) (где имя древнеримской богини *Fortuna* означает ‘счастье’) и т.п.

В случаях, когда в афоризмах (обычно устойчивых и воспроизводимых, прежде всего из числа пословиц) общее значение полностью переосмыслено, их обобщённое значение мотивируется общим прямым значением, которое может сохраняться либо одновременно с переносным значением либо только в их прототипах (свободных высказываниях как аналогов пословиц), напр.: *Кашу маслом не испортишь* (‘1. В прямом значении; 2. Необходимое, полезное никогда не вредит и в излишне большом количестве’) [33. С. 141]; англ. *Every cloud has a silver lining* (‘1. У каждой тучки — серебряная подкладка, т.е. тёмная туча, закрывающая солнце, бывает окружена серебристой светящейся линией, говорящей о том, что солнце всё же есть — там, за тучей; 2. В любой ситуации, даже самой плохой, можно найти и хорошую сторону, вселяющую надежду’) [34. Prov. 171]; бел. *Сёрбай юшку, на дне гушча* (‘Перш чым дасягнеш самага лепшага, важнага, карыснага, трэба перабыць менш прыемнае’) [35. С. 212]; польск. *Dobre drzewo dobry owoc rodzi* (‘У хороших родителей и дети хорошие’) [36. С. 27] и т.п.

Общее прямое значение переосмысленного афоризма (или его прототипа) не обязательно является обобщённым в отличие от общего образного значения, обобщённость которого остается в данном случае единственно надёжным семантическим критерием для квалификации данной устойчивой фразы как афоризма, напр.: *В Тулу со своим самоваром не ездят* ('С собой не берут того, чего много там, куда едут, чем славится то место, куда едут') [33. С. 63] — афоризм (переносное значение обобщённое); англ. *Don't teach your grandmother to suck eggs* ('Не учи свою бабушку, как высасывать яйца', переосмыслено как 'Не давай советов тому, кто более опытен, чем ты') [34. Prov. 147] — афоризм (переносное значение обобщённое); бел. *Сёння гукнула, а заўтра ручкі згарнула* ('Кажуць пра што-небудзь нетрывалае, часовае, не разлічанае на доўгі век') [35. С. 211—212] — не афоризм (переносное значение конкретизированное); польск. *Pies na sianie leży, sam go nie je, a krowie go nie da* ('Говорится о скупых, о тех, кто действует безрассудно; осуждается бесхозяйственность, когда напрасно растрачивается то, что может быть полезным себе или другим') [36. С. 71] — не афоризм (переносное значение конкретизировано, выражение не может употребляться применительно ко всем, имеет смысл только по отношению к определенному индивиду, о скупости которого идёт речь, или к определённой ситуации, бесхозяйственные результаты которой осуждаются).

Исследование показало, что обобщённое содержание присуще всем афоризмам в их традиционном понимании, уходящем корнями в античность, когда др.-греч. *ἄφορισμός* означало, как известно, специфическое по языковой форме и логической структуре высказывание [23. С. 12—13]. Афоризмами изначально назывались именно обобщённые по содержанию высказывания, что нашло отражение в первой в европейской литературе Нового времени, ставшей классической книге афоризмов «*Oraculo Manual, y Arte de Prudencia. Sacada de los Aforismos Quese Discurre En las obras de Lorenzo Gracian*» (1647), которая в подавляющем большинстве состоит из изречений обобщённо-универсальной семантики (вневременных, персонально и пространственно нелокализованных, всеобщих утверждений) [37].

Можно утверждать, что обобщённость в его специфическом проявлении — универсальном обобщении — является облигаторным свойством афоризма, а также его дифференциальным признаком, поскольку позволяет однозначно и непротиворечиво отграничить афоризмы от всех иных сверхсловных единиц, в том числе тех, которые используются для обобщения свойств единичных объектов или для сообщения об ограниченных количествах неединичных объектов.

1.4. Номинативность

Номинативность как семантическое свойство, присущее прежде всего словам и фразеологизмам, в афоризмах приобретает специфический характер и играет иную роль, что требует специального объяснения [18].

Так, номинативная специфика афоризмов обусловлена тем, что они используются в речи не для передачи актуальной по отношению к действительности информации, а для выражения всеобщих и вневременных утверждений, в которых сообщается об универсальных связях между целыми классами объектов, т.е. о закономерностях отношений между неединичными объектами, действиями, свойствами, объединенными в классы. Закономерности такого типа целесообразно определить как универсальные. Исходя из этого можно утверждать, что афоризмы предназначены для обозначения такой разновидности фрагментов действительности, как универсальные закономерности (необходимые и регулярные свойства целых классов количественно неисчислимых объектов и/или связей между классами таких объектов в реальном или вымышленном мире).

Универсальные закономерности как факты действительности существуют в сознании носителей языка и порождаются в результате когнитивной и познавательной деятельности способом индукции или дедукции, основанной на наблюдении за объективно существующими (или искусственно созданными) существенными, необходимыми и регулярными связями между объектами. Общее количество универсальных закономерностей ограничено их объёмом как фрагментов коллективной или индивидуальной картины мира (реального или вымышленного). Афоризмы создаются и используются в речи как речевые произведения или как языковые единицы для вычленения и обозначения универсальных закономерностей. В этом смысле каждый афоризм соотносится в сознании носителей языка с той универсальной закономерностью, которую он обозначает в речи. Соотношение афоризма и обозначаемой им универсальной закономерности является изоморфным соотношению в сознании носителей языка слов и тех фрагментов действительности, которые слова обозначают в речи (и то, и другое соотношение имеет номинативный характер). Вот почему афоризмы в нейтральной позиции (вне речевого контекста) представляют собой единицы номинации, а не коммуникации, и используются в речи одновременно как в коммуникативной, так и в номинативной функции.

Номинативная природа афоризмов формально проявляется, во-первых, в возможности их создания и воспроизведения в качестве полностью автономных текстов, т.е. вне коммуникативного акта (напр., в многочисленных книгах, сборниках, подборках афоризмов), а во-вторых, в их использовании в речи как дискурсивно независимых высказываний, т.е. в такой семантической и структурной позиции, когда удаление афоризма из контекста никак не изменяет ни смысл, ни структуру сообщения, напр.: *А тебе, мой друг, не следовало не в своё дело вмешиваться. В чужой монастырь со своим уставом не ходят. Девчонка провинилась, и я её наказала. Она моя, и я что хочу, то с ней и делаю* (М.Е. Салтыков-Щедрин); англ. *King. 'Tis only title thou disdain'st in her, the which I can build up. Strange is it that our bloods, Of colour, weight, and heat, pour'd all together, Would quite confound distinction, yet stand*

off In differences so mighty. If she be All that is virtuous, save what thou dislikest, A poor physician's daughter, thou dislikest Of virtue for the name: but do not so: From lowest place when virtuous things proceed, The place is dignified by the doer's deed: Where great additions swell's, and virtue none, It is a dropsied honour. Good alone Is good without a name. Vileness is so: The property by what it is should go, Not by the title.' (W. Shakespeare); бел. *Дзядзька Іван адхінуўся і задумаўся. Потым загаварыў, як бяравенне варочаў: — Вялікі ты стаў, Алёша. Прывыклі мы да цябе... Бацьку ўспамінаеш? — Успамінаю, — ціха адказаў Алёшка. — Правільна. Бацькоў не выбіраюць. Бацька ёсць бацька. На ўсё жыццё...* (А. Варановіч) и т.п.

Есть и ещё один аргумент в пользу приоритетности номинативной, а не коммуникативной природы афоризма. По синтаксической структуре афоризмы представляют собой, как уже говорилось, особые, абстрактные предложения, содержащие «универсальные или вневременные утверждения» [3. С. 30]. А в абстрактных предложениях их коммуникативно детерминированные свойства (модальность, темпоральность и персональность) реализуются формально, хотя и могут быть актуализированы в речи в определённых контекстах. Так, именные компоненты афористической фразы в синтаксической позиции актантов (субъекта и объекта) нереферентны (не соотносятся ни с каким фактом действительности), что в совокупности с нереферентностью именных компонентов в позиции предиката (указывают не на факт действительности, а на его признаки) обуславливает нереферентность высказывания целиком, когда оно в нейтральной позиции (независимо от контекста) не соотносится ни с какой ситуацией действительности (хотя и может использоваться в речи для обозначения какой-либо данной ситуации — конкретизироваться, приобретать референтность). Напр.: *Иная слава солнца, иная слава луны, иная — звёзд; и звезда от звезды разнится в славе* (1 Кор., 15, 41), ср.: *1881 год начался для русской литературы двумя потерями. 21 января умер в Москве А.Ф. Писемский, 27 января умер в Петербурге Ф.М. Достоевский... Это были звёзды, участники созвездия знаменитых «сороковых годов»... Но «звезда от звезды разнится в славе»* (Н.К. Михайловский) (где *звезда от звезды* означает 'А.Ф. Писемский от Ф.М. Достоевского'); бел. *Вайна ўсё спіша* (пословица с прямой мотивировкой общего значения 'Гаворыцца як апраўданне якіх-н. дзеянняў, учынкаў, спраў у ваенны час' [38. С. 108]), ср.: — *Калі гэта паспелі ліпавую абсаду выразаць і навошта? — Тады ж, у вайну. Хто на начоўкі, хто на дзежачку-ліпаўку, хто на сявеньку, а хто на дровы... — Вапшчэтка, так, раз пачалі ўжо, то рэж, палі, нішчы — вайна ўсё спіша!..* (А. Кудравец) (где *вайна* означает 'Вялікая Айчынная вайна') и т.п.

Афоризмы близки по своей синтаксической семантике к номинативным предложениям, но между ними есть два весьма существенных различия. Во-первых, номинативные предложения никогда не употребляются в нейтральной позиции, независимо от контекста, как афоризмы, а во-вторых, номина-

тивные предложения выделяются как тип на основе не семантико-грамматических характеристик, как абстрактное предложение в качестве синтаксической формы афоризма, а формально-грамматических — одноставного предложения, а также именного компонента (или количественно-именного сочетания) в качестве главного члена предложения. Следует отметить, что абстрактные и номинативные предложения взаимно пересекаются по своим характеристикам, т.е. некоторые абстрактные предложения по формально-грамматическим признакам могут принадлежать к номинативным, а некоторые номинативные предложения по семантико-грамматическим свойствам могут быть абстрактными (приобретать обобщённо-универсальное значение). Так, есть группа афоризмов, которые по формально-грамматическим признакам являются номинативными предложениями (обычно используются как слоганы, девизы, призывы), напр.: *Осторожность, осторожность! Осторожность, господа!* (Н.А. Некрасов); *Православие, самодержавие, народность; Свобода или смерть!; Смерть шпионам!; Стойкость и сила; Честь и верность;* англ. *Unity and Faith, Peace and Progress!*; бел. *Гонар і годнасць; Смерць ворагам!*; польск. *Bóg, Honor, Ojczyzna; Wolność! Równość! Braterstwo!*; *Z Dziesięciorga Przykazań wysnułem jedenaste: zwięzłość* (S.J. Lec) и т.п. В свою очередь, номинативные предложения довольно часто выступают в роли структурных компонентов афоризмов, синтаксически организованных как сложное предложение (в качестве одной из его предикативных частей) или намеренно сегментированных своим автором (в качестве одного из сегментов такого афоризма), напр.: *Человек! Это великолепно! Это звучит... гордо!* (М. Горький); англ. *Deeds, not words (proverb)*; бел. *Восень — на дзень пагод восем (прыказка)*; *Закон природы: / хто бліжэй да неба, / Таму абавязкова халадней* (У. Скарынкін); польск. *Jutro: wielką tajemnicą* (S. Wyspiański) и т.п.

Синтаксическую форму номинативных предложений в редких случаях могут иметь устойчивые фразы, не обладающие обобщённо-универсальным значением, которые благодаря их использованию в нейтральной позиции, вне речевого контекста (в качестве названий, надписей, девизов, призывов, лозунгов), а также своему философскому смыслу воспринимаются как близкие афоризмам (и нередко ошибочно квалифицируются как афоризмы), напр.: *Слова, слова, слова* < англ. *Words, Words, Words* (W. Shakespeare) — крылатое выражение (реплика Гамлета из одноименной трагедии У. Шекспира), которое употребляется в речи для обозначения говорильни, пустой болтовни, подменяющей собой дела (не является афоризмом), ср.: *«Слова, слова и слова»* (А.П. Чехов) — название рассказа (1883); *Что такое справедливость, лишённая огня, самоотверженности и любви? Слова, слова, слова.* (М.Е. Салтыков-Щедрин); англ. *«Words, Words, Words»* (D. Ives) — название пьесы (1987) и т.п.

Можно утверждать, что номинативность свойственна всем афоризмам (является облигаторным признаком), поскольку прямо и непосредственно

обусловлена их обобщённо-универсальной семантикой, однако не может рассматриваться как дифференциальный признак, поскольку одновременно характеризует строевые единицы языка (лексические и фразеологические), а также одну из синтаксических моделей предложения. Номинативность, как показывает функционирование афоризмов в речи, является их сущностным свойством, более значимым, чем коммуникативность, которая проявляется в формальном плане и не определяет отношение афоризма к действительности.

1.5. Дискурсивная автономность

Такое свойство афоризма, как дискурсивная автономность, проявляется в способности афоризма сохранять при употреблении в любых видах дискурса целостность формы и содержания, а также функциональную независимость от контекста в структурном и содержательном плане [19].

Дискурсивная автономность афоризма обусловлена тремя факторами: 1) независимость содержания (не требует для своего адекватного понимания никакого речевого контекста); 2) функциональная незакреплённость (может использоваться как структурно, так и содержательно независимо от других высказываний в речи); 3) контекстная обособленность (может употребляться в контексте в нейтральной позиции, без смысловых и структурных видоизменений). Факторы дискурсивной автономности афоризма связаны между собой отношениями последовательной детерминации: независимость содержания способствует функциональной незакреплённости, которая прямо обуславливает контекстную обособленность. В свою очередь, контекстная обособленность предполагает функциональную незакреплённость, а также независимость содержания афоризма в речи, что позволяет выделить (извлечь) его из контекста как автономную по форме и содержанию фразу. Напр.: *Здесь лежат ленинградцы. / Здесь горожане — мужчины, женщины, дети. / Рядом с ними солдаты-красноармейцы. / Всею жизнью своею / Они защищали тебя, Ленинград, / Колыбель революции. / Их имён благодарных мы здесь перечислить не сможем. / Так их много под вечной охраной гранита. / Но знай, внимающий этим камням, **Никто не забыт и ничто не забыто*** (О.Ф. Берггольц) (строка из стихотворения употребляется в русском языке как крылатое выражение, а также часто используется в качестве отдельного текста как надпись, призыв, девиз); англ. *Books are where things are explained to you; life is where things aren't. I'm not surprised some people prefer books. **Books make sense of life.** The only problem is that the lives they make sense of are other people's lives, never your own* (J. Barnes); бел. *Яна [Фрузына] часта казала людзям і самой сабе: **кожнаму сваё, што каму на раду напісана, таго не мінеш.** І яна пакрысе прывыкла да адзінокага лёсу немаладой бабылкі, цешыла сябе людскім шчасцем, радавалася чужой радасцю і бедавала з чужых бедаў. Сваіго — ні добрага, ні благога, ні асаблівых трывог — у яе не было* (В. Быкаў); польск. *Wszyscy mężczyźni są dziećmi. Nie*

mogą żyć bez fajerwerków, wielkich słów i wspaniałych gestów. Ale na szczęście, jesteśmy my, kobiety, na świecie, ich niańki, które uważają, żeby dzieci nie upadły i nie rozbiły sobie nosa (Т. Rittner) и т.п.

Следует отметить, что независимость содержания присуща не только афоризмам, но и всем произведениям малых литературных жанров, а также многим видам однофразовых текстов (как известно, содержание большинства однофразовых текстов обусловлено условиями их создания и использования, в силу чего является актуальным только в рамках определенного дискурса [39. С. 94—95]). Однако и произведения малых литературных жанров, и однофразовые тексты, которые не принадлежат по содержанию и форме к афоризмам, в значительной степени функционально ограничены, поскольку за весьма редким исключением не употребляются и не воспроизводятся вне того вида дискурса, в котором были созданы (и те, и другие почти не встречаются среди широко распространенных в речи цитат). Следует отметить, что произведения малых литературных жанров (в том числе и афоризмы, созданные в виде отдельных текстов) нечасто становятся массово употребительными и исчезающе мало представлены среди крылатых изречений и пословиц, хотя в отдельных случаях и могут приобретать широкую известность. Ограниченное функционирование произведений малых литературных жанров и однофразовых текстов не позволяет объективно оценить ни характер, ни степень их дискурсивной автономности.

Афоризмы не всегда употребляются в речи в структурно и семантически автономной позиции, могут разово и регулярно видоизменяться, приобретать различные коннотации, что характерно прежде всего для устойчивых единиц (пословиц и крылатых изречений). Однако тот же самый афоризм может быть использован в ином контексте без модификаций и коннотаций, в нейтральной (структурно и семантически независимой) позиции, а также может быть выделен из речи в нейтральной форме как семантически самодостаточное высказывание, что подтверждает независимость содержания, функциональную незакрепленность, контекстную обособленность афоризмов как проявления его дискурсивной автономности. Напр.: *Обаяние новизны прошло, удивление — тоже. Увидев то, чего раньше он никогда не видел, услышав разговор о том, что ещё вчера средства массовой информации старательно обходили молчанием, зритель лишь «заморил червячка». **Аппетит**, как известно, **приходящий во время еды**, требовал продолжения, но его не было* (Известия, 14.03.1987) ← *Аппетит приходит во время еды* (крылатое выражение, ставшее пословицей); англ. *Tradition may be defined as an extension of the franchise. Tradition means giving votes to the most obscure of all classes, our ancestors. **It is the democracy of the dead*** (G.K. Chesterton) → *Tradition is the democracy of the dead* (афоризм в нейтральной форме); бел. *Ну, як табе ўжо не абрыдне Казаць адно сто раз на тыдні? Сказала сорак раз і — квіта! — Міхал адказвае сярдзіта <...>. — **Бо праўда вочы табе***

коле, I не мінеш ты, нябось, Сроля, Не людская твая натура, Не пахне дом свой і пячура: Абы гарэлка на прымеце — Ты ўсё гатоў забыць на свеце! (Я. Колас) ← *Праўда вочы коле* (пословица); польск. *Niszczy nas boleść i jawnie i skrycie: Któż temu winien? ty sami* (F.D. Książnin) → *Niszczy nas boleść i jawnie i skrycie: temu winny ty sami* (афоризм в нейтральной форме) и т.п.

В некоторых случаях афоризмы используются в речи в таком смысле, который невозможно адекватно воспринять или вообще восстановить вне авторского контекста. Наличие контекстуально обусловленного смысла может препятствовать выделению афоризма из авторского контекста без известной семантической трансформации, однако не лишает афоризм независимости его содержания (ни в авторском контексте, ни в отрыве от него). Напр.: [Пепел:] *Никто здесь тебя не хуже... напрасно ты говоришь...* [Клещ:] *Не хуже! Живут без чести, без совести...* [Пепел (равнодушно):] *А куда они — честь, совесть? На ноги, вместо сапогов, не наденешь ни чести, ни совести... Честь-совесть тем нужна, у кого власть да сила есть...* [Бубнов (входит):] *У-у... озяб!* [Пепел:] *Бубнов! У тебя совесть есть?* [Бубнов:] *Чего-о? Совесть?* [Пепел:] *Ну да!* [Бубнов:] *На что совесть? Я — не богатый...* [Пепел:] *Вот и я то же говорю: **честь-совесть богатым нужна**, да! А Клещ ругает нас, нет, говорит, у нас совести...* (М. Горький) → *Честь-совесть богатым нужна* (афоризм, извлечённый из авторского текста, теряет свой первоначальный смысл — логически правильного вывода, но приобретает новый смысл — парадоксального утверждения); бел. *I стала ясна з той размовы, Якія цяжкія умовы — Няхай іх людзі лепі не знаюць — Прадаць зямельку прымушаюць* [Фядос Хадыка:] — *Пакрыўдзіў бог мяне сынамі, Ядзяць іх мухі з камарамі! Няма сыноў — няма падмогі, А сам я стаў слабы на ногі, Бракуе сілы мне, браточки! Няма, мінуліся гадочки, Калі зямлю вярнуў Хадыка Не горш вала таго ці быка.* (Я. Колас) → *Няма сыноў — няма падмогі* (смысл выделенного из авторского текста афоризма может пониматься в плане не только вообще отсутствия у родителей сыновей, но и отсутствия совместного проживания сыновей с родителями) и т.п.

Свойство дискурсивной автономности присуще всем без исключения афористическим фразам (как свободным, так и устойчивым), поэтому является облигаторным. Вместе с тем дискурсивная автономность характеризует также различные типы фразовых текстов, поэтому не может квалифицироваться как дифференциальный признак афоризма.

1.6. Текстовая форма

Текстовая форма как признак афоризмов реализуется в их способности создаваться, существовать и воспроизводиться в речи в качестве текстов, состоящих из одной фразы (как фразовые, или однофразовые, тексты) [20]. Данный признак манифестирует важное свойство афоризма — употребляться в нейтральной позиции (как проявление еще одного признака — дискур-

сивной автономности), которая может быть абсолютной (полностью независимой от речевого контекста) и относительной (структурно и содержательно зависимой от речевого контекста). В соответствии с этим текстовая форма афоризма имеет две разновидности своего проявления — абсолютную и относительную.

Афоризмы в форме отдельного текста (абсолютное проявление признака) — это самая ранняя их фиксация в письменной речи. Один из первых известных письменных юридических памятников «*Кодекс Хаммурапи*» (фр. «*Code de Hammurabi*») в Древнем Вавилоне (собрание законов, высеченных около 1750 до н.э. на базальтовой стеле в виде клинописной записи) состоял из кратких обобщённых высказываний (всего 282 «постановлений») на аккадском языке (каждое из которых начиналось *šum-ma* ‘Если...’). Европейская доантичная философия VII—VI вв. до н.э. была изложена преимущественно в форме афоризмов как отдельных текстов (напр., гномы предфилософской традиции Древней Греции). Наивысшего расцвета афоризм как отдельный текст достиг в европейской публицистической и художественной литературе, начиная с первой классической книги афоризмов «*Oraculo Manual, y Arte de Prudencia. Sacada de los Aforismos Quese Discurre En las obras de Lorenzo Gracian*» (1647) Б. Грасиана и заканчивая всемирно известными книгами афоризмов «*Myśli nieuczesane*» (1957) и «*Nowe myśli nieuczesane*» (1966) С.Е. Леца. Создание и употребление афоризмов в форме отдельных текстов остается актуальным до сегодняшнего дня в большинстве функциональных стилей литературного языка, однако утратило в настоящее время свой элитарный характер и всё чаще реализуется в разговорной речи посредством письменного электронного общения (в социальных сетях, на форумах, в чатах, блогах, группах и т.д.).

Относительное проявление текстовой формы афоризмов заключается, во-первых, в их способности употребляться как текст в тексте (в структурно и содержательно автономном виде в любых речевых контекстах), а во-вторых, в возможности выделять их из речи в форме отдельного текста. Употребление афоризмов как текста в тексте (преимущественно в виде структурно и семантически автономных изречений автора или цитат из чужой речи) является весьма продуктивным способом их функционирования, который известен с самых ранних письменных памятников, реализуется на всех уровнях построения (композиции) письменного текста, во всех разновидностях и в большинстве жанров устной речи, а также в современных устно-письменных текстах (в сфере интернет-коммуникации).

В письменных текстах употребление афоризмов как текста в тексте подразделяется на 1) обрамляющее (заголовок, эпитафия, вводная фраза, заключительная фраза) и 2) композиционное (функционально незакрепленная фраза, которая структурно и содержательно автономна в контексте). В устной речи использование афоризмов как текста в тексте также подразделяется на два вида: 1) отдельная реплика в диалоге; 2) функционально незакреп-

лѐнная фраза в монологе. Формальными показателями употребления афоризма как текста в тексте в виде функционально незакреплѐнной фразы (помимо её структурной и содержательной автономности) являются, во-первых, чужой язык (иноязычные вкрапления), во-вторых, дискурсивные маркеры интертекста (вводные слова или ссылки в тексте, содержащие информацию об авторе или источнике афоризма как отдельного текста), в-третьих, оформление афоризма в виде точной цитаты, использование параграфемных (в основном супраграфемных и топографемных) средств введения афоризма в контекст и др. Напр.: *Береги честь смолоду (пословица)* (эпиграф к повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка»); *Логические требования голого ума непременно так или иначе достигают своих, в данную минуту крайних, пределов и непременно поэтому укладываются в известные формы, известные теории. Прилагаемые к быстротекущей жизни, формы эти оказываются несостоятельными чуть что не в самую минуту своего рождения, потому что ведь они сами, в сущности, суть не что иное, как результаты сознательной, т.е. прошедшей жизни, и к ним как нельзя более прилагается глубокий стих из глубокого стихотворения Тютчева «Silentium!» — Мысль изречѐнная есть ложь...* (А.А. Григорьев); *Эта деятельность, сколько я мог судить по фактам, была не бесплодна, по крайней мере, отрицательно; и я ни за что её не брошу, потому что — чёрт её знает — может быть, она принесёт на основании пословицы «Gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo» (авось либо хоть этой старой пословицы переводить не надо?) и своего рода положительную пользу* (А.А. Григорьев); англ. *All's Well That Ends Well* (W. Shakespeare) (название пьесы); *Measure for Measure* (W. Shakespeare) (название пьесы); *A delivery boy was trying to enter a yard with some bundles but stopped at the gate because of a vicious, barking dog on the other side. "Oh, come on in," encouraged the owner from a window. "You know the old proverb: 'A barking dog never bites'..." "Yeah, I know the proverb," admitted the boy, "and you know the proverb. But what worries me is, does the dog know the proverb?"* (E. Esar); бел. *«Апетыт прыходзіць у час яды»*. *А ў мяне вельмі часта думанне пачынаецца над паперай. Вучуся пісаць, як калісьці пісаў, — для сябе* (Я. Брыль); *Мужчыны ўсе тут загудзелі, Ды дружна так яны населі, Што Ганна тройчы прыгубіла І чарку ўсю перакуліла. — Ну, во гэтак, малайчына, Хай будзе ж добрая часіна! — Ой, буду п'яна — ашаламіць. — Касцей гарэлка не паломіць! — Крычыць Базыль* (Я. Колас); польск. *Powiedział Heraklit: «Panta rhei». Rzekł Kowalskides: «Cholera!» Zauważył krytyk: «Konkurowali ze sobą w zwięzłości epigramatycznej»* (S.J. Lec).

Употребление афоризма как текста в тексте может быть имплицитным в случаях, когда он является прецедентным (по Ю.Н. Караулову), т.е. известным как участникам речевого акта, так и широкому кругу носителей языка (включая предшественников и современников) в силу хрестоматийности (опознаваемости всеми как общеизвестного текста), эпистемологической актуальности и востребованности, воспроизводимости и т.д. При имплицит-

ном употреблении афоризма как прецедентного текста в речи актуализируется его структурный компонент (прецедентный феномен), который отсылает адресата к оригиналу. В качестве прецедентных феноменов обычно выступают начальные структурные части или первые по порядку лексические компоненты афоризма, а также отдельные слова (или сочетания слов) из его лексического состава, которые являются наиболее запоминающимися, отражают основные (ключевые) понятия или образы афоризма, образуют регулярные ассоциации с ним в структуре фоновых знаний носителей языка. Напр.: *Обратились к древнему миру; к его искусству чувствовалась симпатия; хотели усвоить его зодчество, ясное, открытое, как чело юноши, гармоничное, «как остывшая музыка»* (А.И. Герцен) — *Архитектура — застывшая музыка* (И.В. Гёте); англ. *There are good excuses, particularly good bogus excuses, for the “never,” but there is seldom an acceptable one for the “late.”* (G.J. Nathan) — *Better late than never (proverb)*; бел. — *А людзям нашым няважна жылося да рэвалюцыі. Рэвалюцыя была вельмі патрэбна. Цар Мікалай — ён быў дурны, дурнейшы яшчэ за Хрушчова... — Такі vox populi — увосень шэсцьдзесят трэцяга.* (Я. Брыль) — лат. *Vox populi — vox dei* (афоризм англосаксонского богослова Флакка Альбина Алкуина, около 732—804); польск. *Co może powstać z niczego? Prowokacja* (S.J. Lec) — *Nic nie powstaje z niczego* (Lukrecjusz, «О натуре всечрепцу», I, 265—266) и т.п.

От употребления афоризма как текста в тексте необходимо отличать использование афористической фразы как неотъемлемого композиционного элемента малых литературных или фольклорных жанровых форм — *апофегмы, хриш, велеризма, басни* и др., в которых афоризм является органичной частью их содержания и структуры, их смысловым центром, без которого эти малые тексты не могут существовать. Такое употребление афоризма как текста в тексте можно квалифицировать как жанрово обусловленное.

Выделить из речи в виде отдельного текста можно любой афоризм — как производимый, так и регулярно воспроизводимый в речи, как дискурсивно автономный, так и модифицированный в речевом контексте, как с контекстно независимым, так и с детерминированным смыслом. Именно благодаря такой возможности создаются сборники литературных афоризмов и пословиц, в которых речевые и языковые единицы искусственно закрепляются в виде отдельных текстов. Так, одним из первых известных письменных сборников литературных афоризмов является «*Menandri sententiae*» — собрание изречений, извлечённых Менандром (около 343 — около 291 до н.э.) из произведений древнегреческих драматургов V—IV вв. до н.э. (сборник пользовался огромной популярностью в Древнем мире и средневековой Европе, был переведён и на старославянский язык [40. С. 381]).

При выделении из речи в виде отдельного текста устойчивых или содержательно детерминированных контекстом афоризмов их смысл может довольно существенно отличаться от первоначального. Это не противоречит ни самой возможности, ни репрезентативности такого выделения, поскольку

изменения смысла, хотя и могут быть весьма значительными, не влияют на прямое значение извлечённых из речевого контекста афоризмов, которое остается неизменным. Напр.: *Мысль изречённая есть ложь* (извлечённый из авторского контекста афоризм сохраняет общее значение, но противоречит здравому смыслу, который нейтрализуется в исходном тексте, где сообщается о невозможности передать словами богатый мир чувств и мыслей человека), ср.: *Как сердцу высказать себя? Другому как понять тебя? Поймёт ли он, чем ты живёшь? Мысль изречённая есть ложь.* (Ф.И. Тютчев); бел. *Пан не мае спагаданя* (выделенный из авторского контекста афоризм сохраняет своё общее значение, но приобретает гораздо более широкий смысл, чем в исходном тексте, ‘Пан не мае спагаданя по отношению ко всем людям, зависимым от него, а не только к тем, кто на него непосредственно работает’), ср.: *Няўжо ж і век прабыць слугою І чуць пагрозу над сабою, Што пан у кожную хвіліну Цябе пагоніць, як скаціну? Пагоніць вон без разважання, Бо пан не мае спагаданя, Што трэба жыць з сям’ёй на свеце, Што ты, як рыба тая ў сеці, Не маеш волі, ні разгону, Што ты не чуеш жыцця звону, Што гэты свет табе завязан І шлях прасторны твой заказан* (Я. Колас).

При выделении из авторской речи афоризма с переносной, образной мотивировкой общего значения или значений отдельных компонентов он требует специального пояснения или устойчивой ассоциации с исходным текстом, без чего воспринимается либо в совершенно ином смысле, либо как вообще лишённый всякого смысла. Напр.: *Дважды два — стеариновая свечка* (извлечённый из авторского контекста афоризм, который стал крылатым [41. С. 95], в буквальном значении является парадоксальным, а для понимания своего переносного смысла ‘У женщин отсутствует логическое мышление’, должен устойчиво ассоциироваться с содержанием исходного контекста), ср.: *Мужчина может, например, сказать, что дважды два не четыре, а пять или три с половиною; а женщина скажет, что дважды два — стеариновая свечка.* (И.С. Тургенев); бел. *Пада так кожнай дай часіне* (извлечённый из авторского контекста афоризм, в котором употребляется сочетание слов в переносном значении *пада так даць* ‘отдать должное’, приобретает совершенно иной общий смысл, чем в исходном контексте, где обозначает решимость быть готовым ко всему, что может произойти в будущем), ср.: *Ну, што ж, Антось, здароў будзь, браце! Няхай дае бог лад у хаце, Дабра, прыбытку прыспарае, Каб у хляве ды ўсё пладзілась, Каб жыта ў полі каласілась, Няхай раяцца добра пчолы, І самі будзем мы вясёлы; За год дай божа дачакаць Здаровым новы год спаткаць. — Дай божа! — дзядзька адазваўся І сам з прамавай зварачаўся, П’ючы цяпер да гаспадыні, — **Пада так кожнай дай часіне, На ўсё гатовы ў кожным часе.*** (Я. Колас).

Следует отметить, что изменение значения у пословиц при выделении их из речи в виде отдельных текстов может быть не менее существенным, чем изменение смысла у литературных афоризмов при извлечении из авторского контекста. Так, пословица бел. *Будзе (Прыйдзе) і на крапіву мароз*

(буквально ‘Будет (Придѣт) и на крапиву мороз’) зафиксирована в бесконтактных паремиографических источниках [42. С. 152; 43. Т. 1. С. 342], в которых воспринимается только в переносном смысле (поскольку в прямом не обнаруживает той эпистемологической ценности для носителей языка, которая присуща жанру пословиц), однако в речи регулярно употребляется как в переносном смысле (‘Дождѣтся кто-н. наказания; говорится с уверенностью о неизбежности возмездия, наказания’ [38. С. 100]), так и в прямом значении (наряду с другими народными изречениями о жгучести крапивы), ср.: *Пра тую нязвычайную расліну Марыля ўжо забылася. Урэшце яна такі выскачыла на дарожку. — Ой, настрыкала, ой, пчэ! Ды жаліцца няма каму. Тым больш, што і гневацца няма на каго: сама запрапанавала зняць панчохі. Сымон пажартаваў: — Колькі разоў табе казалі: ад жыгучкі трымай далей ручкі!... — Нічога, Марылька! — пашкадаваў яе Адам. — «**Прыйдзе і на крапіву мароз!**» (У. Дубоўка).*

При выделении из речи в качестве отдельных текстов афоризмов, которые структурно и семантически изменены, модифицированы в контексте, реконструкция их нейтральной формы часто может быть вариативной (что не всегда позволяет однозначно восстановить форму афоризма вне авторского контекста, но не противоречит самой возможности реконструкции нейтральной формы афоризмов, трансформированных в речи). Напр.: *Фёкла Степановна зазевала, закрывая рот большой работающей рукой: — А я... век свой прожила. Мужика у меня убили на царской войне, **жить нечем, и сну будешь рада** (А.П. Платонов) → <Если (Когда)> *жить нечем, и сну будешь рад* или *И сну будешь рад, если (когда) жить нечем* и т.д. (извлечённый из авторского контекста афоризм одинаково успешно реконструируется в виде нескольких формальных вариантов); бел. *То ж гэтакія Лэдзі нараджаюцца не вельмі часта сярод сабак, як геніі і таленты сярод людзей* (М. Гарэцкі) → *Геніі і таленты не вельмі часта нараджаюцца сярод людзей* или *Геніі і таленты сярод людзей нараджаюцца не вельмі часта* или *Не вельмі часта сярод людзей нараджаюцца геніі і таленты* или *Не вельмі часта геніі і таленты нараджаюцца сярод людзей* или *Сярод людзей не вельмі часта нараджаюцца геніі і таленты* или *Сярод людзей геніі і таленты нараджаюцца не вельмі часта* и т.д. (при выделении афоризма из авторского контекста возможны различные варианты его реконструкции в форме отдельного текста).*

Текстовая форма как свойство афоризма обусловлена его дискурсивной автономностью, однако в отличие от неё является не обязательным признаком, а факультативным, поскольку не все афоризмы создаются и функционируют в виде отдельного текста, многие из них невозможно выделить из авторского контекста без существенного изменения смысла и/или однозначно (адекватно) реконструировать их форму выражения. В этом плане модифицированные в речи устойчивые и воспроизводимые афоризмы могут восприниматься не знакомыми с ними носителями языка в иной текстовой

форме, а также с иным содержанием, чем те, которые были изначально присутствующими данному афоризму. Такая вариативность является формальным показателем факультативности текстовой формы для афоризма. Текстовая форма не может рассматриваться и как дифференциальный признак афоризмов, поскольку свойственна кроме них ещё и другим видам текстов.

1.7. Воспроизводимость

Воспроизводимость как признак афоризмов обусловлена прежде всего их функциональной природой повторяться в речи с разной степенью регулярности от разового до массового использования. Это означает, что каждый афоризм создаётся для того, чтобы после быть повторённым либо в такой же самой (или похожей) речевой ситуации в аналогичной (или иной) функции, либо в качестве отдельного текста как источника знаний о действительности, мировоззрении своего автора (если таковой имеется), духовной культуры того языкового окружения, в котором он был создан или функционирует [21]. Именно в этом (в создании для воспроизведения в речи) и проявляется коммуникативность афоризма, которая реализуется в неразрывной связи с его номинативностью как облигаторным признаком (см. выше).

Свойство афоризмов создаваться, чтобы повторяться (воспроизводиться) не только обусловлено их функциональной природой, но и определяется рядом таких его характеристик, как обобщённость, сверхсловность, однофразовость, дискурсивная автономность, а также устойчивость (которая коррелирует с воспроизводимостью).

Так, обобщённость предполагает неоднократное обращение к каждому афоризму, его многократное использование как фразового текста (устойчивой фразы), с одной стороны, для номинации обозначаемой им универсальной закономерности, а с другой, для обозначения конкретных проявлений данной универсальной закономерности в актуальной для участников речевого акта действительности. Напр.: *Андрэй і Янка весела пасмейваліся, чытаючы гэтае пісьмо, але раскрываць тайну з'яўлення артыкула палічылі непатрэбным і нават шкодным. Яны напісалі Райскаму, шмат выказвалі радасці, надзей на шчаслівы канец і накідаліся на нікчэмства ўсяе чыноўніцкай тармасні вакол настаўніцкага сходу. І ўсё ж такі дадалі евангельскія словы, упэўненыя ў тым, што іх пісьмо чыноўніцкіх рук не міне: «Бойся ўсявышняга і не гавары лішняга».* (Я. Колас) (где афоризм употребляется для номинации выраженной в нём универсальной закономерности 'Не разглашай секрет, чтобы не навредить делу' [35. С. 39]); бел. *Міжвольна прыгадаліся княжацкія піры, пітво і ежа, высокія пакоі, у якіх зіхаціць святло і грывіць музыка, упрыгожаныя тройкі. А блізка ў водблісках вогнішча відаць было яму папялішча, нара, калыска з хворым малым, над якім заснула Мацвеіха, і бярозавая каша ў чарапку, пасоленая яго соллю. І ўжо само сабой так падумалася: «Бог не роўна дзеліць».* (М. Лупсякоў) (где афоризм

используется для обозначения одного из конкретных проявлений выраженной в нём универсальной закономерности ‘Между людьми существует социальное и иное неравенство’ [38. С. 94]) и т.п. Сверхсловность афоризма обеспечивает его сочетаемость в речи с другими фразовыми единицами, а также сверхфразовыми единствами, как правило, за счёт корреляции ключевых понятий содержания сообщения и плана содержания афоризма, которая может формально основываться на присловной связи (когда афоризм относится к одному из слов речевого контекста) или лексическом повторе (когда в речевом контексте употребляется один из лексических компонентов афоризма, как правило, выражающий ключевое понятие сообщения и афористической мысли), напр.: бел. — *Чаму гэта ты не на рабоце? — спытала Куля такім тонам, быццам была яго начальнікам. — Ад работы нават валыдохнуць, — аджартаваўся Комлік, — а я хачу жыць, любавацца жыццём.* (Р. Сабаленка). Однофразовость афоризма прямо и непосредственно влияет на степень его запоминаемости, что является необходимым условием для продуктивного воспроизведения в речи (запоминаемость афористической фразы уменьшается пропорционально увеличению её линейных параметров и синтаксического объёма). Дискурсивная автономность афоризма позволяет воспроизводить его в речи без структурных и семантических видоизменений, а также включать в речевой контекст любой синтаксической организации и любой композиции практически без ограничений.

Воспроизводимость по отношению к афоризмам следует рассматривать двояко — как их реальное и как потенциальное свойство, поскольку не все афоризмы, которые порождаются в речи, впоследствии воспроизводятся (как массово, так и разово). Воспроизведение афоризмов в составе их различных и довольно многочисленных сборников, энциклопедий, словарей, отдельных подборок, циклов и т.п. имеет искусственный характер, не имеющий никакого отношения к речевой коммуникации и может не учитываться. Большинство литературных афоризмов не повторяется в чужой речи, но каждый из них может быть в любой момент повторен и начать воспроизводиться, благодаря актуализации своего содержания в сознании носителей языка (индивидуально или массово). Свойство воспроизводимости целесообразно рассматривать как потенциальное для каждого без исключения афоризма, однако реально воспроизводятся в речи только афоризмы из числа пословиц и крылатых изречений, а также разовых цитат. В этом смысле воспроизводимость афоризма обладает дуалистичным характером: в функциональном плане (как реальное свойство пословиц, крылатых изречений, цитат) является факультативным признаком, тогда как в субстанциональном плане (как потенциальное свойство большинства литературных афоризмов) может квалифицироваться как признак облигаторный. И в том, и в другом случае воспроизводимость не является дифференциальным признаком афоризма, поскольку присуща широкому кругу сверхсловных единиц языка и речи.

1.8. Устойчивость

Устойчивость афоризма не только обусловлена его воспроизводимостью (когда посредством повторения в речи за ним закрепляется определённая форма), но и является одним из собственно лингвистических факторов, способствующих воспроизводимости, поскольку форма каждого афоризма уникальна (не имеет шансов на своё повторное порождение в речи), что детерминирует неизменность его компонентов (по отношению как к плану содержания, так и друг к другу в составе афоризма), т.е. наличие изначально «готовой» к воспроизведению формы [21].

Устойчивость по отношению к афоризму следует рассматривать как сохранение его лексической организации и синтаксической структуры при воспроизведении в речи в одном и том же значении. Устойчивость афоризмов является прямым результатом не столько их воспроизводимости (в том числе пословиц и крылатых изречений), сколько уникальности выбора и комбинации лексических компонентов афоризма для обозначения данной универсальной закономерности. Одна и та же универсальная закономерность в каждом новом случае её вербального обозначения в форме афоризма выражается всякий раз по-разному (прежде всего посредством различной лексической организации фразы). Лексические компоненты и их комбинации могут в той или иной степени повторяться в разных афоризмах, выражающих одну и ту же универсальную закономерность, однако никогда полностью не совпадают (очень мало шансов на то, чтобы для выражения в разных речевых контекстах одной и той же универсальной закономерности порождались фразы с одной и той же лексико-грамматической организацией). Напр.: *Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем* (Еккл. 1, 9); *Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое»; но это было уже в веках, бывших прежде нас* (Еккл. 1, 10); *Что было, то и теперь есть, и что будет, то уже было* (Еккл. 3, 15); *Ничто не ново под луною: что есть, то было, будет ввек* (Н.М. Карамзин); *И старым бредит новизна* (А.С. Пушкин); *Так было — так будет* (Л.Н. Андреев); *И повторится всё, как встарь* (А.А. Блок) (во всех литературных афоризмах выражена одна универсальная закономерность ‘В мире всё повторяется’); англ. *Don't cut off your nose to spite your face; Don't cut the bough you are standing on; Don't make a rod for your own back* (все пословицы обозначают одну универсальную закономерность ‘Не делай ничего такого, что может навредить тебе самому’); бел. *Век жыць — не мех шыць; Век звекаваць — не пальцам паківаць; Век звекаваць — усяго павідаць (пазнаць); Век перажыць — не поле перайсці; Век пражыць — не кашулю пашыць; Век (Год) пражыць — не лукошка шыць; Век пражыць — не мора пераплыць; Жыццё пражываць — не канфетку з'есці; Жыццё пражыць — не песеньку спець; Жытку пражыць — не поле перайсці* (во всех пословицах выражена одна универсальная закономерность ‘Жить нелегко’);

польск. *Ucieka niepowrotnie czas* (Wergiliusz); *Strata czasu jest nieodwracalna* (Piotr I); *Czasu, gdy przeminie, już za nic nie kupim* (A. Górecki) (во всех литературных афоризмах выражается одна универсальная закономерность ‘Время исчезает безвозвратно’) и т.п.

Уникальность состава и соотношения лексических компонентов каждого афоризма является главным фактором его устойчивости при воспроизведении в различных речевых контекстах. Устойчивость формы афоризма дополнительно обусловлена различными семантическими, грамматическими, риторическими, просодическими, стилистическими средствами, которые могут соотноситься с лексической организацией фразы, однако не характерны для всех афоризмов, чаще встречаются в пословицах и крылатых изречениях.

Вторым по важности фактором устойчивости афоризмов является то, что в их плане содержания происходят сдвиги, которые проявляются в образной мотивировке как семантики отдельных структурных компонентов (слов, сочетаний слов, предикативных частей), так и общего значения фразы. Наличие в составе афоризма отдельных переосмысленных компонентов существенно ограничивает свободу сочетаемости на уровне фразы, а переносное общее значение афоризма прямо детерминирует несвободу его формы. Узуальный или окказиональный характер переносной мотивировки семантики структурных компонентов, общего значения афоризма, соответственно, ослабляет или усиливает устойчивость его формы.

Устойчивость афоризма является одновременно его функциональным и содержательным признаком, который по-разному актуализируется для разных групп афоризмов и по-разному проявляет свое качество. Для тех афоризмов, которые порождаются в речи, устойчивость — это субстанциональное качество, которое при их воспроизведении актуализируется как функциональное свойство. Для афоризмов, которые воспроизводятся в речи, устойчивость — это функциональное свойство, которое после их извлечения из речи в форме отдельных текстов воспринимается уже как субстанциональное качество. Отношения между функциональным и субстанциональным проявлениями устойчивости афоризма, как правило, взаимно детерминированы (так, проявление устойчивости литературного афоризма как функционального свойства невозможно без её существования как субстанционального качества, которое, в свою очередь, проявляется в речи как функциональное свойство).

Структурные характеристики устойчивости афоризма в основном формируются как субстанциональное качество (при его порождении в речи), а семантические — как функциональное свойство (при его воспроизведении в речи), поскольку сдвиги в плане содержания фразы, во-первых, гораздо более динамичное явление, чем в плане выражения (лексико-грамматической форме), а во-вторых, возникают и закрепляются в сознании носителей языка, как правило, в связи с массовым воспроизведением афоризма в речи, а также часто обусловлены узуальными сдвигами в семантике отдельных лексиче-

ских (и фразеологических) компонентов афоризма. Напр., широко известный крылатый афоризм бел. *Другі баран — ні “бэ”, ні “мя”, а любіць гучнае імя* (К. Крапіва) имеет как структурные характеристики устойчивости (состав и сочетание лексических и фразеологических единиц, грамматические формы слов, синтаксическую организацию предложения), так и семантические — образную мотивировку общего значения и семантики отдельных компонентов фразы. Структурные характеристики устойчивости данного крылатого афоризма имеют субстанциональную природу (возникли при его порождении в авторской речи), а семантические — функциональную природу (актуализировались при воспроизведении вне авторского контекста), поскольку его переносное общее значение ‘Славы, известности алчет тот, кто не способен приобрести их собственным умом’, а также характеристика ситуации его употребления ‘Говорят (чаще с неодобрением или с иронией), когда умным, достойным уважения желает казаться бездарь’ [44. С. 68] не зависят от содержания авторского источника (басни «Дыпламаваны баран»), а полностью состоят из комбинации узуальных прямых и переносных значений лексических и фразеологических компонентов фразы — *другі* (разг.) ‘какой-нибудь’, *баран* (перен., бран.) ‘о глупом, невежественном человеке, *ні «бэ», ні «мя»* (перен., прост. неодобр.) ‘совсем ничего (не знать, не понимать)’ как стихотворный вариант фразеологизма *ні «бэ», ні «мэ» <ні кукарэку>*, *гучны* (перен.) ‘который пользуется большой популярностью, широко известный’, *імя* ‘известность, слава, репутация’ [45. Т. 1. С. 141; 46].

Устойчивость следует рассматривать как реальный и как потенциальный признак афоризмов, поскольку, с одной стороны, для её реализации они должны регулярно воспроизводиться в речи уже в готовом виде, а с другой, каждый афоризм создается в уже готовой для воспроизведения форме. Как потенциальное свойство устойчивость формы присуща всем афоризмам без исключения, а как реальное характеризует воспроизводимые единицы — прежде всего пословицы и крылатые изречения. В своём функциональном проявлении (как реальное свойство) устойчивость — это факультативный признак, а в своём субстанциональном качестве (как потенциальное свойство) — облигаторный, что свидетельствует в пользу собственно языковой природы афоризма.

1.9. Идиоматичность

Идиоматичность свойственна как афоризмам, так и фразеологизмам, однако в афористических высказываниях (устойчивых фразах) она, как уже отмечалось [13], приобретает своеобразный характер, что требует специального обсуждения [17].

Так, идиоматичность по отношению к афоризмам можно рассматривать в самом широком смысле как определяющее свойство сверхсловных единиц, которое обусловлено тремя факторами и состоит из трёх соответствующих

субкатегорий (по А.Н. Баранову и Д.О. Добровольскому): переинтерпретация, непрозрачность, осложнение способа указания на денотат [47. С. 30—33]. Эти факторы идиоматичности, на наш взгляд, основаны на асимметрии плана выражения и плана содержания языкового знака, формируя его различными способами [47. С. 33—50], поэтому идиоматичной целесообразно считать такую сверхсловную единицу, содержание которой (полностью или частично) не вытекает (для всех или большинства носителей языка) из суммы значений её структурных компонентов (эквивалентных слову или большим, чем слово). Рассмотрение содержания афоризма в терминах идиоматики соответствует современным лингвистическим взглядам на её границы и характер [48], а также на семантическую природу афоризмов [13. С. 8—10].

Исследование показало, что идиоматичность может быть свойственна афоризмам как полностью (переосмысление общего значения), так и частично (переосмысление значений отдельных лексических компонентов, структурных частей). Идиоматичными могут быть как производимые в речи афоризмы, так и воспроизводимые (разово или массово). Напр.: *От сумы да от тюрьмы не отказывайся (не отрекайся)* (переосмыслен один лексический компонент *сума* ‘нищета’); англ. *First catch your hare* (пословица буквально означает «Сначала поймите вашего зайца», но употребляется в переносном смысле ‘Действуйте осторожно, без излишнего оптимизма’ [34. Prov. 210]); бел. *Каб сонца засланиць — вушэй асліных мала* (К. Крапіва) (афоризм в качестве морали басни «Асёл, Сава і Сонца» имеет одновременно и прямой, и аллегорический смысл, однако массово воспроизводится как крылатый только в переносном общем значении ‘Справедливое дело не победить; правду не скроешь’ [39. С. 246]); польск. *Dzieciństwo jest jak zatarte oblicze na złotej monecie, która dźwięczy czysto* (Т. Różewicz) (в литературном афоризме переосмыслена структурная часть *...jak zatarte oblicze na złotej monecie, która dźwięczy czysto*); *Kłamstwo ma krótkie nogi* (прямой смысл имеет только лексический компонент *kłamstwo*, переосмыслена вторая часть пословицы *...ma krótkie nogi* ‘недолго существует’) и т.п.

Следует отметить, что в полностью или частично идиоматичных афоризмах всегда сохраняется прямое, буквальное значение (безотносительно степени его соответствия объективной реальности или её восприятию), за исключением немногочисленных случаев утраты внутренней формы, когда прототип переосмысленного афоризма воспринимается как лишённый всякого смысла, необъяснимый, т.е. без знания речевого контекста его порождения (употребления) не соответствующий ни одной из возможных картин мира (чаще в пословицах), напр.: *Дважды два — стеариновая свечка* (И.С. Тургенев, «Рудин»); *На воре шапка горит*; англ. *The child is father of the man* (W. Wordsworth, “My Heart Leaps Up When I Behold”); *There are wheels within wheels* (prov.); бел. *З выбірачкі выбераш гарачку, а калі з раду, то нуду; У айчыма чэрці над вачыма* (прыказкі); польск. *Nie rób z tata wariata, a z taty raporamy* (przysł.) и т.п.

Отдельные переосмысленные лексические компоненты афоризма не обязательно обуславливают идиоматичность его общего значения (целиком или структурной части), напр.: *Язык до Киева доведёт* (из двух переосмысленных компонентов пословицы — *язык* ‘тот, кто разговаривает, спрашивает’ как персонификация способности выражать в словесной форме свои мысли [49. Т. IV. С. 780] и *до Киева* ‘куда угодно, далеко’ как метонимическое расширение исходного значения [13. С. 98] — только первый участвует в формировании общего переносного значения ‘Спрашивая, обо всём узнаешь, всё найдёшь’); англ. *Brevity is the soul of wit* (W. Shakespeare, “Hamlet”) (переносное значение компонента *soul* ‘основа’ не ведёт к переосмыслению афоризма, который имеет общее прямое значение ‘Краткость является основой остроумия’); бел. *Зяць любіць узяць* (переносное значение глагола *браць* / *узяць* ‘пользоваться материальной помощью (родителей жены)’ не приводит к сдвигу общего значения пословицы, которая не имеет переносного смысла); польск. *Tylko wielcy artyści mogą się czuć wobec sztuki matymi* (перенос значения компонента *maty* ‘nieznaczný’ не изменяет общий прямой смысл афоризма) и т.п.

В то же время переносное общее значение афоризма может быть суммой переносных значений его лексических компонентов. Напр.: *Куй железо, пока горячо* (общее переносное значение пословицы ‘Торопись делать что-л., пока есть возможность, благоприятные условия и т.д.’ [33. С. 154] является комбинацией переносных значений двух её структурных частей *куй железо* ‘торопись делать что-л.’ и *пока горячо* ‘пока есть возможность, благоприятные условия’); англ. *Fine feathers make fine birds* (переносное значение пословицы ‘Богатая одежда обуславливает значительность человека’ складывается из переносных значений ее компонентов *fine feathers* ‘красивые перья’ как ‘богатая одежда’, *make* ‘делать’ как ‘обуславливает’, *fine birds* ‘красивая птица’ как ‘значительный человек’); бел. *Hanіsanae застаецца* (общее переносное значение пословицы ‘Художественные произведения сохраняются в памяти поколений’ [38. С. 346] состоит из переносных значений *hanіsanae* ‘художественное произведение’ и *застаецца* ‘сохраняется в памяти’); польск. *Co głowa, to rozum* (общее переносное значение пословицы ‘Человек — это взгляд, мнение’ комбинируется из переносных значений *głowa* ‘человек’ и *rozum* ‘взгляд, мнение’) и т.п.

Идиоматичность афоризма может возникать под влиянием как собственно языковых, так и экстралингвистических (в том числе “литературно-художественных” [13. С. 92]) факторов, быть результатом как узуального, так и окказионального сдвига значения (всего афоризма, его структурной части, отдельного лексического компонента), напр.: *Не подмажешь, не поедешь* (первый лексический компонент пословицы имеет узуальное переносное значение — *подмазать* ‘дать взятку’, а второй окказиональное — *поехать* ‘добиться того, что нужно’); бел. *Покі Юрка не меў чына, / Быў нішто сабе дзяціна* (Я. Купала, “Чары”) (на возникновение у крылатого

афоризма общего переносного значения ‘Пасада псуе добрага чалавека’ оказал влияние экстралингвистический фактор — обобщение образа *Юрки* в ироническом плане “пока у него не было должности, он был хорошим человеком” с участием собственно языкового фактора — переносного значения фразеологизма *niшто сабе* ‘добры’); польск. *Niech sobie ten przypis przeczyta elita, / że każda śmietanka na deser jest bita* (S.J. Lec) (переносный смысл афоризма детерминирован художественными приёмами реалистичной образности “*śmietanka na deser jest bita*” и иронии “*elita... bita*”).

Идиоматичность может быть свойственна афоризму в той или иной степени (характеризуется градуальностью), обусловлена сразу несколькими факторами (как собственно языковыми, так и экстралингвистическими), а также являться результатом сочетания различных типов своего проявления. Напр.: *He добро быти человеку единому* (Бытие 2, 18) (сдвиг общего значения минимален и вызван только коннотацией возвышенности, древности за счёт использования книжной лексики и архаичных грамматических форм *не добро, быти, единому*); англ. *A growing youth has a wolf in his belly* (в основу частично переосмысленного общего значения ‘Подросток всегда голоден’ [34. Prov. 257] положен нереальный образ *have a wolf in belly* “иметь волка в животе”, который сочетается с перифразой *a growing youth* ‘молодой человек, который растёт’ вместо *young* ‘подросток’); бел. *Хлеб-соль еш, а праўду рэж* (употребление фразеологизмов *хлеб-соль* ‘1. Харч, яда. 2. Пачастунак’ [45. Т. 2. С. 526] і *рэзаць праўду* <ў вочы> ‘казаць адкрыта, смела’ сочетается с реалистичным образом, “изобразительным” сюжетом “частвацца ці карміцца ў каго-небудзь і яму ж казаць усё як ёсць, нават калі яно непрыемнае”); польск. *Litera prawa powinna być włączona do alfabetu* (S.J. Lec) (идиоматичность обусловлена комбинацией, во-первых, узуального переносного значения крылатого выражения *litera prawa* ‘буквальное понимание юридической формулировки, формальная сторона юридического текста’, во-вторых, художественной образности «*być włączona do alfabetu*», в третьих, иронической коннотации «*powinna*»).

Исследование показало, что подавляющему большинству афоризмов свойственна частичная идиоматичность (переосмысление одной структурной части или отдельных компонентов). Наивысшая степень идиоматичности присуща афоризмам с полностью переосмысленным общим значением и утраченной внутренней формой.

Вместе с тем идиоматичность не может рассматриваться в качестве облигаторного признака афоризма, поскольку существует большое количество афоризмов, для которых не характерна асимметрия между планом содержания и планом выражения (ни полностью, ни частично). В этом случае можно говорить о «нулевой степени» идиоматичности афоризма. Напр.: *He всякому слуху верь; Учиться никогда не поздно* (половицы); англ. *Neither a borrower nor a lender be* (W. Shakespeare, “Hamlet”); *Circumstances alter cases; Dying is as natural as living* (proverbs); бел. *І ў няшчасці, і ў радасці без дружбы ча-*

лавеку нельзя быць (К. Чорны, “Наспечка”); *Брат любіць сястру багатую, а мужык жонку здаровую*; *Кожнаму сваё дзіця міла* (прыказкі); польск. *A literatem nie każdy jednak być może* (R. Verwiński); *Recyduwa gorsza od choroby* (przysłowie) и т.п. Идиоматичность не может рассматривать и в качестве дифференциального признака афоризма, поскольку характеризует также довольно большой круг языковых и речевых единиц.

1.10. Выразительность (эстетичность) словесной формы

Выразительность (эстетичность) словесной формы афоризма следует, на наш взгляд, рассматривать только как результат реализации эстетической (поэтической) функции языка. Художественно обработанный план выражения характерен прежде всего для афоризмов, которые порождаются в литературно-художественном или публицистическом дискурсе, а также для афоризмов как фольклорного жанра (поговорок, народных примет, поверий, хозяйственных изречений). Как известно, в литературных афоризмах широко используются различные тропы и фигуры речи (эпитет, метафора, метонимия, синекдоха, сравнение, гипербола, литота, анафора и эпифора, антитезис, градация, повторение, хиазм, синтаксический параллелизм, инверсия, оксюморон и др.) [12. С. 232—250]. Особо следует отметить использование рифмы, ритмики и мелодики, что характерно не только для поэтических, но и для многих других литературных афоризмов. Подавляющее большинство перечисленных здесь средств выразительности речи нашли воплощение в фольклорных афоризмах [50; 51].

Выразительность словесной формы как признак афоризма проявляется эпизодически вне реализации эстетической функции языка. Словесная форма многих афоризмов лишена каких бы то ни было качеств художественной речи, напр.: *Человеку свойственно ошибаться*; англ. *All good things come to an end*; бел. *Усім не дагодзіў*; польск. *Każdy robi, co może* и т.п. По этой причине выразительность (эстетичность) словесной формы нельзя рассматривать как обязательный признак афоризма. Не является данный признак по отношению к афоризму и дифференциальным, поскольку не может быть использован для разграничения афористических и неафористических фраз.

2. Определение понятия афоризма как объекта лингвистики

Как известно, определить любое научное понятие — это перечислить минимальное количество обязательных признаков определяемого объекта, выделив среди них дифференциальные (формирующие его существенные, необходимые и неотъемлемые качества), на основании которых можно непротиворечиво (без переименования и объединения множеств) отграничить данный объект от иных объектов изучения внутри той или иной отрасли научного знания.

В этом смысле все установленные признаки афоризма подразделяются на облигаторные (присущие всем афоризмам) и факультативные (присущие отдельным группам афоризмов), дифференциальные (присущие только афоризмам) и общие (присущие как афоризмам, так и иным сверхсловным единицам языка и речи).

К факультативным признакам афоризма, как уже отмечалось, относятся сверхсловность, идиоматичность, оформленность в виде отдельного текста, выразительность (эстетичность) словесной формы. Воспроизводимость и устойчивость как реальные признаки конкретных афоризмов не проявляются регулярно и поэтому являются факультативными, но как потенциальные признаки свойственны каждому афоризму, в силу чего приобретают качество облигаторности и характеризуют афоризм как лингвистический объект.

Облигаторными признаками афоризма, как уже было показано выше, являются однофразовость, обобщённость (значения), номинативность, дискурсивная автономность. Обязательность данных четырёх признаков для афоризма вытекает из того, что они, во-первых, свойственны всем афоризмам без исключения, а во-вторых, в своей совокупности (взяты все вместе) не присущи никаким иным сверхсловным единицам.

Вместе с тем можно говорить только об одном признаке, который характеризует афоризм в качестве специфической разновидности сверхсловных единиц, т.е. как самостоятельный лингвистический объект. Таким признаком является обобщённость, которая реализуется в семантике афоризма в своём специфическом качестве как универсальное обобщение действительности (на уровне фразы). Данный признак афоризма целесообразно квалифицировать как дифференциальный, поскольку в кругу других облигаторных признаков только он является уникальным для афоризмов (вне их не проявляется на уровне фразы) и манифестирует специфическое свойство их плана содержания — универсальную обобщённость, что качественно отличает афоризмы от всех иных сверхсловных единиц.

Данное свойство плана содержания афоризма можно квалифицировать как *афористичность* (существенное, необходимое и неотъемлемое качество афоризма). Только те сверхсловные единицы, которым свойственно качество афористичности, могут терминологически обозначаться с использованием атрибута *афористический* (понятие и термин *афористический*, в свою очередь, целесообразно использовать только по отношению к содержанию афоризмов или тех текстов, в которых используются афоризмы). Афористическим с лингвистической точки зрения может быть (и, соответственно, именоваться) только обобщённо-универсальное содержание афоризма. Все иные трактовки лингвистического термина *афористический* (типа ‘лаконичный’, ‘краткий’, ‘законченный’, ‘выразительный’, ‘глубокий’ и т.д.) не являются собственно лингвистическими, поскольку не могут быть непротиворечиво объяснены в терминах лингвистики. Предложенное понимание афористичности позволяет однозначно определить объём афоризмов как специфической разновидности сверхсловных единиц, противопоставить их,

с одной стороны, фразеологизмам, а с другой, всем иным разновидностям фразовых текстов.

На основе установленных признаков можно определить понятие афоризма как объекта лингвистики. Афоризмы — это однофразовые, номинативные, дискурсивно автономные, преимущественно сверхсловные, воспроизводимые, устойчивые единицы, которым могут быть свойственны идиоматичность, оформленность как отдельного текста, а также выразительная (эстетическая) словесная форма, и которые отличаются от всех иных фразовых единиц наличием обобщённо-универсального значения. Универсальный характер обобщения выражаемой действительности является специфическим свойством афоризма, предопределяет два его обязательных признака — дискурсивную автономность и номинативность, манифестирует субстанциональное качество его семантики как речевой и языковой единицы — афористичность. Данное определение афоризма легло в основу его описания как единицы языка и речи в русском, польском, английском, немецком языках [52] а также белорусском языке [53], на материале литературной афористики [54], крылатых единиц [55], пословиц [56; 57; 58; 59; 60]. Использование предложенного собственно лингвистического понимания афоризма видится наиболее перспективным для дальнейшей разработки проблем афористики [61], при описании пословиц как единиц языка [62; 63] в связи с развитием паремиологии как лингвистической дисциплины [64; 65], а также для определения лингвистического статуса крылатых единиц [66], изучение которых уже обособилось в рамках фразеологии [67] в качестве отдельного направления [68], получившего собственное терминологическое наименование — «эптология» [69].

Так, исследование показало, что подавляющее большинство пословиц имеет все указанные выше обязательные признаки афоризма (однофразовость, обобщённость значения, номинативность, дискурсивная автономность), а также воспроизводимость и устойчивость, на основании чего пословицы можно считать разновидностью афористических единиц, а паремиологию — частью афористики как лингвистической дисциплины. Крылатые слова в этом смысле дифференцируются на две неравновесные группы — афоризмы (не более 30%) и не афоризмы (около 70%), поэтому должны описываться, соответственно, в рамках афористики и фразеологии, с которыми крылатология (эптология) методологически перекрещивается и из соответствующих частей которых складывается. Такое понимание пословиц и крылатых слов (как разновидностей афоризмов) позволяет не только уточнить их параметры как языковых единиц, но и очертить новое направление исследования, дать ещё один импульс их лингвистическому изучению.

Заключение

В результате анализа фразовых текстов и устойчивых фраз, которые обычно квалифицируются как афоризмы, на материале русского, английско-

го, белорусского и польского языков было установлено, что лингвистически релевантными признаками афоризма (репрезентирующими его как объект лингвистики) являются сверхсловность, однофразовость, обобщённость (значения), номинативность, дискурсивная автономность, текстовая форма, воспроизводимость, устойчивость, идиоматичность, выразительность (словесной формы). Ряд признаков совпадает у афоризмов и фразеологизмов (сверхсловность, воспроизводимость, устойчивость, идиоматичность), но ни один не является для афоризма обязательным. Облигаторными признаками афоризма являются однофразовость, обобщённость значения, номинативность, дискурсивная автономность. Основным (дифференциальным) признаком афоризма как объекта лингвистики является обобщённость значения, которая по отношению к выражаемой действительности приобретает в афоризмах специфический характер — универсализм.

Выделение лингвистически релевантных признаков афоризма позволило определить его в терминах лингвистики как однофразовую, номинативную, дискурсивно автономную, преимущественно сверхсловную, воспроизводимую, устойчивую единицу, которая отличается от всех иных сверхсловных единиц (фразовых текстов и устойчивых фраз) одним специфическим признаком — обобщённостью значения (универсальным обобщением действительности). Этот признак характеризует афоризмы как разновидность лингвистических единиц (фразовых текстов или устойчивых фраз), детерминирует такие их облигаторные свойства, как дискурсивная автономность и номинативность, манифестирует собственно лингвистическое качество их плана содержания — афористичность.

Библиографический список

1. *Иванов Е.Е.* Лингвистика афоризма. Хрестоматия. Минск: Вышэйшая школа, 2018.
2. *Иванов Е.Е.* Аспекты эмпирической квалификации афоризма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. no 2. С. 381—401.
3. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1966.
4. *Васильева Н.В., Виноградов В.А., Шахнарович А.М.* Краткий словарь лингвистических терминов. М.: Русский язык, 1995.
5. *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1985.
6. *Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике / под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского.* М.: ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН, 2003.
7. *Иванов Е.Е., Тесленко Е.Г.* Особенности англо-американской терминологии по афористике // *Acta Germano-Slavica.* Вып. 6. 2015. С. 237—248.
8. *Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов.* М.: Большая российская энциклопедия, 2008.
9. *Беларуская мова: энцыклапедыя / пад рэд. А.Я. Міхневіча.* Мінск : БелЭн, 1994.
10. *Українська мова: енциклопедія / гол. ред. В.М. Русанівський, О.О. Тараненко.* Київ: Українська енциклопедія, 2004.
11. *Прохоров Ю.Е.* Афоризм // *Русский язык: энциклопедия.* М.: Советская энциклопедия, 1979.

12. *Королькова А.В.* Русская афористика. М.: Флинта: Наука, 2005.
13. *Мечковская Н.Б.* Жанры афористики и градация высказываний по степени идиоматичности // *Жанры речи*. Вып. 6. 2009. С. 79—111.
14. *Іваноў Я.Я.* Лінгвістычныя прыметы афарыстычных адзінак // *Учэныя запіскі УО «ВГУ им. П.М. Машерова»*. 2018. Т. 27. С. 78—84.
15. *Іваноў Я.Я.* Абагульненасць зместу як лінгвістычная прымета афарыстычных адзінак // *Вестник МГЛУ. Серия 1: Филология*. 2019. no 3 (100). С. 48—56.
16. *Іваноў Я.Я.* Аднафразавасць як лінгвістычная прымета афарыстычных адзінак // *Веснік МДУ імя А.А. Куляшова. Серыя А: Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія)*. 2019. no 2 (54). С. 98—103.
17. *Іваноў Я.Я.* Ідыяматычнасць як лінгвістычная прымета афарыстычных адзінак // *Весці БДПУ імя М. Танка. Серыя 1: Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія*. 2019. no 2. С. 100—105.
18. *Іваноў Я.Я.* Намінацыйнасць як лінгвістычная прымета афарыстычных адзінак // *Веснік ГрДУ імя Я. Купалы. Серыя 3: Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія*. 2019. Т. 9. no 3. С. 76—83.
19. *Іваноў Я.Я.* Дыскурсіўная самастойнасць як лінгвістычная прымета афарыстычных адзінак // *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А: Гуманитарные науки*. 2019. no 10. С. 100—103.
20. *Іваноў Я.Я.* Тэкставасць як лінгвістычная прымета афарыстычных адзінак // *Известия ГТУ им. Ф. Скорины. Серия «Гуманитарные науки: История. Филология. Философия»*. 2019. no 4 (115). С. 66—72.
21. *Іваноў Я.Я.* Узнаўляльнасць і ўстойлівасць як катэгарыяльныя прыметы афарыстычных адзінак // *Веснік МДПУ імя І.П. Шамякіна*. 2019. Т. 1 (53). С. 119—125.
22. *Фюрстенберг А.И.* Афоризм // *Большая Советская энциклопедия: в 30 т. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, Т. 2*. 1970. С. 434.
23. *Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И.* Афористика. М.: Наука, 1990.
24. *Іваноў Я.Я.* Лаканізм // *Беларускі фальклор: энцыклапедыя: у 2 т. Мінск: БелЭн, Т. 2*. 2006. С. 7—9.
25. *Иванов Е.Е.* О различии отношений фразеологических и афористических единиц к слову // *Славянская фразеология в синхронии и диахронии*. 2011. Вып. 1. С. 254—258.
26. *Донгак С.Б.* Афоризм // *Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник*. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 90—92.
27. *Гаврин С.Г.* Афористическая фразеология как лингвистическая категория // *Учёныя запіскі ПГПИ*. 1971. Т. 87. С. 3—23.
28. *Гаврилова Е.Н.* Универсальные высказывания и другие обобщающие суждения // *Филологические науки*. 1986. no 3. С. 56—62.
29. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Национально-культурная семантика языковых афоризмов // *Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного*. М.: Русский язык, 1990. С. 71—80.
30. *Прохоров Ю.Е.* Лингвострановедческое описание афористики в учебных целях: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 1977.
31. *Шмарина В.И.* Универсальное высказывание и лингвистические средства его выражения (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М., 1975.
32. *Кузьміч В.* Жгучий глагол: словарь народной фразеологии. М.: Зелёный век, 2000.
33. *Жуков В.П.* Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 1991.
34. *Ridout R., Witting C.* English Proverbs Explained. London: Pan Books, 1969.
35. *Шкраба І., Шкраба Р.* Крынічнае слова: беларускія прыказкі і прымаўкі. Мінск: Мастацкая літаратура, 1987.
36. *Іванова С.Ф., Іваноў Я.Я.* Польска-беларускі парэміялагічны слоўнік = Polsko-białoruski słownik paremiologiczny. Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2007.

37. *Грасиан Б.* Карманный оракул, или Наука благоразумия // *Грасиан Б.* Карманный Оракул. Критикон. М.: Наука, 1984. С. 5—65.
38. *Лепешаў І.Я., Якалцэвіч М.А.* Тлумачальны слоўнік прыказак. Гродна: ГрДУ імя Я. Купалы, 2011.
39. *Береговская Э.М.* Стилистика однофразового текста (на материале русского, французского, английского и немецкого языков). М.: URSS: Ленанд, 2015.
40. *Ярхо В.Н.* Менандр — поэт, рожденный заново // *Менандр.* Комедии. Фрагменты. М.: Наука, 1982. С. 380—435.
41. *Ашукин Н.С., Ашукина М.Г.* Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения. М.: Художественная литература, 1987.
42. *Federowski M.* Lud białoruski na Rusi Litewskiej: materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877—1905: t. I—IV. T. IV. Warszawa: Towarzystwo naukowe Warszawskie, 1935.
43. Прыказкі і прымаўкі: у 2 кн. / склад. М.Я. Грынблат. Мінск: Навука і тэхніка, 1976.
44. *Иванова С.Ф., Иваноў Я.Я.* Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў. Мінск: БФС, 1997.
45. *Лепешаў І.Я.* Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы: у 2 т. Мінск: БелЭн, 1993.
46. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. М.Р. Судніка, М.Н. Крыўко. Мінск: БелЭн, 1996.
47. *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008.
48. *Мечковская Н.Б.* Номинативный и коммуникативный уровни языковой структуры: в какой мере им присущи свойства воспроизводимости и идиоматичности единиц? // Труды ИРЯ им. В.В. Виноградова. 2019. Т. 20. С. 147—159.
49. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981—1984.
50. *Тарланов З.К.* Русские пословицы: синтаксис и поэтика. Петрозаводск: Изд-во ПГУ, 1999.
51. *Янкоўскі М.А.* Паэтыка беларускіх прыказак. Мінск: Вышэйшая школа, 1971.
52. *Иванов Е.Е.* Лингвистика афоризма. Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2016.
53. *Иваноў Я.Я.* Афарыстычныя адзінкі ў беларускай мове. Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2017.
54. *Słownik aforyzmów a cytatów z literatury polskiej od XVI do XX wieku* / под ред. Е.Е. Иванова. Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2005.
55. *Иваноў Я.Я.* Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з іншамоўных літаратурных і фальклорных крыніц VIII ст. да н. э. — XX ст.: тлумачальны слоўнік. Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2011.
56. *Ivanov E.* Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian). Prague: RSS, 2002.
57. *Иванов Е.Е., Мокиенко В.М.* Русско-белорусский паремиологический словарь. Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2007.
58. *English-Belarusian Paremiological Dictionary* / под ред. Я.Я. Иванова. Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2009.
59. *Иваноў Я.Я., Раманова Н.К.* Belarussisches-Deutsch paremiologisches Wörterbuch. Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2006.
60. *Иванов Е.Е.* Антипословицы Рунета: типология и словарь. Минск: Право и экономика, 2009.
61. *Королькова А.В.* Афористика в контексте русской культуры. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2018.
62. *Бредис М.А., Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. no 3. С. 34—43.
63. *Бредис М.А., Димогло М.С., Ломакина О.В.* Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вест-

- ник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. no 2. С. 265—284.
64. Паремииология в дискурсе / под ред. О.В. Ломакиной. М.: URSS: Ленанд, 2015.
65. Паремииология без границ / под ред. М.А. Бредиса, О.В. Ломакиной. М.: РУДН, 2020.
66. Ломакина О.В., Мокшенин В.М. Крылатика в современном культурном контексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. no 2. С. 256—272.
67. Шулежкова С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. М.: Азбуковник, 2002.
68. Дядечко Л.П. Крылатые слова как объект лингвистического описания: история и современность. Киев: Видавництво Київського університету, 2002.
69. Дядечко Л.П. «Крылатый слова звук», или Русская этимология. Киев: КНУ им. Т. Шевченко, 2006.

References

- Ivanov, E.E. (2018). *Linguistics of aphorism*. A Reading Book. Minsk: Higher School Publ. (In Russ.).
- Ivanov, E.E. (2019). Aspects of empirical understanding of aphorism. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (2), 381—401. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401. (In Russ.).
- Akhmanova, O.S. (1966). *Dictionary of Linguistic Terms*. Moscow: Sovetskaja jenciklopedija. (In Russ.).
- Vasilyeva, N.V., Vinogradov, V.A. & Shakhnarovich, A.M. (1995). *A short dictionary of linguistic terms*. Moscow: Russkij jazyk. (In Russ.).
- Rosenthal, D.E. & Telenkova, M.A. (1985). *Dictionary of Linguistic Terms*. Moscow: Proshhenie (In Russ.).
- The English-Russian Dictionary of Linguistics and Semiotics (2003). A.N. Baranov & D.O. Dobrovolsky (eds.). Moscow: V.V. Vinogradov Russian Language Institute Press. (In Russ., in English).
- Ivanov, E.E. & Teslenko, E.G. (2015). Features of Anglo-American terminology on aphoristics. *Acta Germano-Slavica*, 6, 237—248.
- Russian language: encyclopedia (2008). Yu.N. Karaulov (ed.). Moscow: Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija. (In Russ.).
- Belarusian language: encyclopedia (1994). A.E. Mikhnevich (ed.). Minsk: Belarusian Encyclopedia Publ. (In Belarusian).
- Ukrainian language: encyclopedia (2004). V.M. Rusanivsky & O.O. Taranenko (eds.). Kyiv: Ukraïn'ska enciklopedija. (In Ukrainian).
- Prokhorov, Yu.E. (1979). Aphorism. *Russian language: encyclopedia*. Moscow: Sovetskaja jenciklopedija. p. 26. (In Russ.).
- Korolkova, A.V. (2005). *Russian aphoristics*. Moscow: Flinta & Nauka Publ. (In Russ.).
- Mechkovskaya, N.B. (2009). Genres of aphoristics and gradation of statements according to the degree of idiomaticity. *Genres of speech*, 6, 79—111. (In Russ.).
- Ivanov, E.E. (2018). Linguistic properties of aphoristic units. *Scientific notes of Vitebsk State P.M. Masherov University*, 27, 78—84. (In Belarusian).
- Ivanov, E.E. (2019). Generalization of meaning as a linguistic sign of aphoristic units. *Minsk State Linguistic University Bulletin. Series 1: Philology*, 3(100), 48—56. (In Belarusian).
- Ivanov, E.E. (2019). One-phrase form as a linguistic sign of aphoristic units. *Bulletin of Mogilev State A. Kuleshov University. Series A: Humanities (History, Philosophy, Philology)*, 2 (54), 98—103. (In Belarusian).

17. Ivanov, E.E. (2019). Idiomatic as a linguistic property of aphoristic units. *Bulletin of the Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University. Series 1: Pedagogy, Psychology, Philology*, 2, 100—105. (In Belarusian).
18. Ivanov, E.E. (2019). Nominativeness as a linguistic property of aphoristic units. *Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 3: Philology, Pedagogy, Psychology*, 9, 3, 76—83. (In Belarusian).
19. Ivanov, E.E. (2019). Discourse autonomy as a linguistic property of aphoristic units. *Herald of Polotsk State University. Series A: Humanity Science*, 10, 100—103. (In Belarusian).
20. Ivanov, E.E. (2019). Textuality as a linguistic sign of aphoristic units. *Proceedings of Francisk Scorina Gomel State University Series: Humanities (History, Philology, Philosophy)*, 4 (115), 66—72. (In Belarusian).
21. Ivanov, E.E. (2019). Reproducibility and fixability as linguistic characteristics of aphoristic units. *Bulletin of the Mozyr State I.P. Shamyakin Pedagogical University*, 1 (53), 119—125. (In Belarusian).
22. Furstenberg, A.I. (1970). Aphorism. *Great Soviet Encyclopedia: in 30 vol.* Moscow: Soviet Encyclopedia Publ., 2, 434. (In Russ.).
23. Fedorenko, N.T. & Sokolskaya, L.I. (1990). *Aphoristics*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.).
24. Ivanov, E.E. (2006). Laconicism In *Belarusian folklore: encyclopedia: in 2 vol.* Vol. 2. Minsk: Belarusian Encyclopedia Publ. pp. 7—9. (In Belarusian).
25. Ivanov, E.E. (2011). On the difference in the relationship of phraseological and aphoristic units to the word. *Slavic phraseology in synchronicity and diachrony*, 1, 254—258. (In Russ.).
26. Dongak, S.B. (2003). Aphorism In *Culture of Russian speech: encyclopedic dictionary*. Moscow: Flinta & Nauka Publ. pp 90—92. (In Russ.).
27. Gavrin, S.G. (1971). Aphoristic phraseology as a linguistic category. *Scientific notes of Permian State University*, 87, 3—23. (In Russ.).
28. Gavrilova, E.N. (1986). Universal utterance and other generalizing statements. *Philological sciences*, 3, 56—62. (In Russ.).
29. Vereshchagin, E.M. & Kostomarov, V.G. (1990). National-cultural semantics of linguistic aphorisms In *Language and culture: linguistic and regional studies in teaching Russian as a foreign language*. Moscow: Russian language Publ. pp. 71—80. (In Russ.).
30. Prokhorov, Yu.E. (1977). *Linguistic and regional description of aphoristics for educational purposes* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
31. Shmarina, V.I. (1975). *Universal utterance and linguistic means of its expression (on the material of the English language)* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
32. Kuzmich, V. (2000). *Burning verb: a dictionary of folk phraseology*. Moscow: Green Age Publ. (In Russ.).
33. Zhukov, V.P. (1991). *Dictionary of Russian Proverbs and Sayings*. Moscow: Russian language Publ., (In Russ.).
34. Ridout, R. & Witting, C. (1969). *English Proverbs Explained*. London: Pan Books.
35. Shkraba, I. & Shkraba, R. (1987). Source word: Belarusian proverbs and sayings. Minsk. (In Belarusian).
36. Ivanova, S.F. & Ivanov, E.E. (2007). *Polish-Belarusian Paremiological Dictionary*. Mogilev: Mogilev University Press. (In Polish, in Belarusian).
37. Gracian, B. (1984). Pocket Oracle, or the Science of Prudence In *Gracian, B. Pocket Oracle. Criticon*. Moscow: Nauka Publ. 5—65. (In Russ.).
38. Lepeshev, I.Ya. & Yakoltsevich, M.A. (2011). *Explanatory dictionary of proverbs*. Grodno University Press. (In Belarusian).
39. Beregovskaya, E.M. (2015). Stylistics of one-phrase text (based on the material of Russian, French, English and German). Moscow: URSS & Lenand Publ. (In Russ.).
40. Yarkho, V.N. (1982). Menander is a poet born again In *Menander. Comedy. Fragments*. Moscow: Nauka Publ. pp. 380—435. (In Russ.).

41. Ashukin, N.S. & Ashukina, M.G. (1987). *Winged Words: Literary Quotes. Figurative expressions*. Moscow. (In Russ.).
42. Federowski, M. (1935). *Lud białoruski na Rusi Litewskiej: materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877—1905: vols. I—IV. Vol. IV*. Warszawa: Towarzystwo naukowe Warszawskie. (In Polish).
43. *Proverbs and sayings: in 2 vol.* (1976). M.Ya. Greenblatt (comp.). Minsk: Science and Technology Publ. (In Belarusian).
44. Ivanova, S.F. & Ivanov, E.E. (1997). *Dictionary of Belarusian proverbs, sayings and winged words*. Minsk: BFS Press. (In Belarusian).
45. Lepeshau, I.Ya. (1993). *Phraseological dictionary of the Belarusian language: in 2 vols*. Minsk: Belarusian Encyclopedia Publ. (In Belarusian).
46. *Explanatory dictionary of the Belarusian literary language* (1996). M.R. Sudnik & M.N. Cryuko (eds.). Minsk: Belarusian Encyclopedia Publ. (In Belarusian).
47. Baranov, A.N. & Dobrovolskiy, D.O. (2008). *Aspects of the theory of phraseology*. Moscow: Znak Publ. (In Russ.).
48. Mechkovskaya, N.B. (2019). Nominative and communicative levels of linguistic structure: to what extent do they have the properties of reproducibility and idiomaticity of units? *Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute*, 20, 147—159. (In Russ.).
49. *Dictionary of the Russian Language: in 4 vols.* (1981—1984). A.P. Evgenieva (ed.). Moscow: Russkij jazyk. (In Russ.).
50. Tarlanov, Z.K. (1999). *Russian proverbs: syntax and poetics*. Petrozavodsk: PSU Press. (In Russ.).
51. Jankowski, M.A. (1971). *Poetics of Belarusian proverbs*. Minsk: Higher School Publ. (In Belarusian).
52. Ivanov, E.E. (2016). *Linguistics of aphorism*. Mogilev: Mogilev University Press. (In Russ.)
53. Ivanov, E.E. (2017). *Aphoristic units in the Belarusian language*. Mogilev: Mogilev University Press. (In Belarusian).
54. *Słownik aforyzmów a cytatów z literatury polskiej od XVI do XX wieku* (2005). E.E. Ivanov (ed.). Mogilev: Mogilev University Press. (In Polish).
55. Ivanov, E.E. (2011). *Winged aphorisms in the Belarusian language: Foreign literature and VIII of the sources in folklore — XX century: the explanatory dictionary*. Mogilev: Mogilev University Press. (In Belarusian).
56. Ivanov, E.E. (2002). *Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian)*. Prague: RSS Press. (In English).
57. Ivanov, E.E. & Mokienko, V.M. (2007). *Russian-Belarusian Paremiological Dictionary*. Mogilev: Mogilev University Press. (In Russ., in Belarusian).
58. *English-Belarusian Paremiological Dictionary* (2009). E.E. Ivanov (ed.). Mogilev: Mogilev University Press. (In English, in Belarusian).
59. Ivanov, E.E. & Romanova, N.K. (2006). *Belarusian-German Paremiological Dictionary*. Mogilev: Mogilev University Press. (In Belarusian, in German).
60. Ivanov, E.E. (2009). *Runet anti-proverbs: typology and dictionary*. Minsk: Law & Economics Publ. (In Russ.).
61. Korolkova, A.V. (2018). *Aphoristics in the context of Russian culture*. Smolensk: Smolensk University Press. (In Russ.).
62. Bredis, M.A., Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2019). The proverb in modern linguistics: definition, status, functioning. *Bulletin of Moscow University. Series 19: Linguistics and intercultural communication*, 3, 34—43. (In Russ.)
63. Bredis, M.A., Dimoglo, M.S. & Lomakina, O.V. (2020). Paremiias in Modern Linguistics: Approaches to Study, Text-Forming and Linguocultural Potential. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11 (2), 265—284. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284. (In Russ.).

64. Paroemiology in Discourse: General and Applied Issues of Paremiology. Proverb in discourse and in text. Proverb and language picture of the world (2015). O.V. Lomakina (ed.). Moscow: Lenand Publ. (In Russ.).
65. Paroemiology without borders: monograph (2020). E.N. Antonova, M.A. Bredis, T.E. Vladimirova, L.N. Gishkaeva, E.E. Ivanov, E.I. Zinoviev, D.D. Komova, O.V. Lomakina, A.S. Makarova, V.M. Mokienko, N.Yu. Nelyubova, E.K. Nikolaeva, E.I. Seliverstova, N.N. Semenenko, F.G. Fatkullina, R.Kh. Khairullina, Cao C., M.A. Bredis & O.V. Lomakina (eds.). Moscow: RUDN Press. (In Russ.).
66. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2019). Catch phrases in the modern cultural context. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (2), 256—272. doi: 10.22363 / 2313-2299-2019-10-2-256-272. (In Russ.).
67. Shulezhkova, S.G. (2002). *Catchwords (winged words) of the Russian language, their sources and development*. Moscow: Azbukovnik Publ. (In Russ.).
68. Dyadechko, L.P. (2002). *Winged words as an object of linguistic description: history and modernity*. Kiev State T. Shevchenko University Press. (In Russ.).
69. Dyadechko, L.P. (2006). *«Winged words sound», or Russian eptology*. Kiev National Taras Shevchenko University Press. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Иванов Евгений Евгеньевич, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики факультета иностранных языков, Могилёвский государственный университет им. А.А. Кулешова (Беларусь); *e-mail*: ivanov-msu@mail.ru

Information about the author:

Eugene E. Ivanov, PhD of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics at the Faculty of Foreign Language, Mogilev State A. Kuleshov University (Belarus); *e-mail*: ivanov-msu@mail.ru.